

№ 11-12
ноябрь-декабрь

2015

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александро-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению
Высокопреосвященного Сергия, митрополита Барнаульского и Алтайского

*Праздник
Рождества Христова*

в воскресной школе
при Александро-Невском соборе

фото Н. Кимайкиной

ПРИХОДСКАЯ ЖИЗНЬ

Престольный праздник отметили прихожане нашего храма
19 января в праздник Крещения Господня в Богоявленском храме Александро-Невского храмового комплекса было совершено две Божественные Литургии и Великое освящение воды.

Раннюю Божественную Литургию возглавил настоятель Собора иерей Андрей Басов.

После окончания праздничной службы с пением тропарей духовенство и верующие прошли к водосвятной часовне, где настоятель совершил чин Великого освящения воды при большом стечении молящихся прихожан.

Православная молодежь АКМОО «Невские» активно помогала разливать Крещенскую воду. Молодые люди отвечали на вопросы прихожан, раздавали всем желающим духовно-просветительские листовки, в которых можно было прочесть тропарь праздника, молитву перед принятием святой воды, рассказывалось о Крещенской воде и ее правильном употреблении.

Рождественская благотворительная ярмарка

В канун светлого праздника Рождества Христова и на Святках на территории Александро-Невского храмового комплекса прошла Рождественская благотворительная ярмарка.

Сувениры для ярмарки изготовлены силами молодежного объединения «Невские». Все средства от продажи сувениров используются для рождественских подарков детям из детских домов и больниц.

Сайт прихода Александро-Невского храма

Обновился официальный сайт прихода Александро-Невского храма. Все новости о жизни прихода можно узнать по адресу www.nevsky22.ru

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСИЙ УМИНСКИЙ

БОЖЕСТВЕННАЯ ЕВХАРИСТИЯ

Окончание.

Начало №7, 2015 г. Продолжение №8, 2015 г.

ХЕРУВИМСКАЯ ПЕСНЬ

«Мы, таинственно изображающие Херувимов и припевающие трисвятую песнь творящей жизнь Троице, оставим сейчас всякую житейскую думу, чтобы поднять Царя всех невидимо копыносимого чинами Ангелов. Какие загадочные слова поются за Литургией. Кто может слушать их без трепета? Вдумайтесь. Мы таинственно изображаем Херувимов. Не подобным ли изображается подобное? А мы изображаем Херувимов...»

Отец Павел Флоренский

Иже Херувимы тайно образующе...» Что означают эти странные слова? Мы только знаем, что, когда поют Херувимскую, следует замереть. А вот почему? Зачем? Мне бы очень хотелось, чтобы вы почаще задавали себе этот вопрос.

Наше непонимание важнейших моментов Литургии очень прискорбно. Я хотел бы призвать всех сделать нашу молитву осмысленной; и не счесть за великий труд выяснить, что же эти слова означают.

А значат они вот что: вы, стоящие в храме, те, кто таинственно изображает Херувимов, которые воспевают Трисвятую песнь, должны отложить всякое житейское попечение.

Каждому из нас в этот момент предоставляется возможность стоять вместе с Херувимами и Серафимами. Они воспевают: «Свят, свят, свят...» — и мы должны слиться с ними в едином ангельском славословии.

В этом таинстве мы являемся действующими лицами, а не зрителями. Мы в сослужении ангельском находимся, и это — кульминация службы, когда мы должны отложить все житейские заботы, всякое житейское попечение.

«Яко да Царя всех подыдем ангельскими невидимо доносима чинми». Это — отголосок античного или византийского мира. Тогда победителей на руках проносили через триумфальные арки. Мы же должны нести на себе Христа.

* * *

Во время пения Херувимской песни совершается Великий вход. Царь славы, Христос, идет на Крест, потому что Великий вход — это шествие Спасителя на Голгофу: «Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным».

Дьякон совершает каждение алтаря и собравшихся в храме, читая про себя покаянный 50-й псалом, который все мы можем так же читать про себя в этот момент. Высота херувимского призвания каждого из нас приводит наши души в состояние глубочайшего осознания собственного недостатка.

Не случайно священник перед пением Херувимской отверзает Царские Врата, становится перед Престолом и читает единственную в Литургии молитву, которая не относится ко всем присутствующим, а только к нему самому: «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми... приходити, или приблизитися, или служити Тебе, Царю славы; еже бо служити Тебе велико и страшно и самем Небесным Сидам...» Эта молитва посвящена Самому Господу Иисусу Христу, как Архидиакону, пред Которым предстоит недостойный

клирик, входящий в область страшного священнодействия.

Священник испрашивает прощения у всех сослужащих и прихожан, кадит стоящую на жертвеннике Проскомидию и под пение Херувимской выходит на солею (возвышение перед иконостасом). Он несет святую Проскомидию — Чашу с вином, которой предстоит стать Кровью Христовой, и Дискос с хлебом, который должен соделаться Телом Христовым. На Великом входе совершается особенное поминовение одновременно всей Церкви, потому что как Господь Вседержитель несет весь мир на Своих руках, так и священник, выходящий из алтаря, несет на себе Проскомидию, как образ мира, Церкви и всей вселенной, за которую приносится жертва Христова.

Великий вход олицетворяет Вход Господень в Иерусалим: Иисус идет на Свое страдание. Это победа, которая дается Господу через видимое поражение, это принятие на себя через любовь и смирение всех грехов мира с тем, чтобы этот мир был спасен. Мы таинственно изображаем Херувимов, но мы же одновременно являемся теми, кто распинает Христа. То, что вложил в наши души сатана, понуждает Господа пойти на смерть, поэтому Великий вход для каждого человека — это суд, проверка его жизни, проверка его сопричастности жертве Спасителя.

* * *

Священник входит в алтарь, ставит на Престол Дискос и Чашу, снимая с них покровцы, и читает тропарь Великой Пятницы: «*Благообразный Иосиф...*» — молитву о снятии Господа с Креста, еще раз подчеркивая Голгофский, жертвенный характер Великого входа. На Престоле Дары снова покрываются воздухом. Дары находились на жертвеннике в память о том, что Христос был спеленут, как младенец, теперь же они напоминают о Его пленении в святую Плащаницу. Заканчивая каждое, священник молится: «*Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския...*»

«*Вы, подобные Херувимам, не трепещете ли друг пред другом? Но трепещите, трепещите сильнее! Знаете ли, тут кто? Царь, Христос, ангельские чины служат Ему невидимо... Церковь полна Ангелов, и вы все стоите вперемишку с Ангелами. Господь тут, разве вы не знаете? Он с нами, как обещал. Неужто теперь не отложим житейское попечение? Неужто не забудем о житейской коре, скрывающей Ангела Хранителя для каждого из нас? Пусть спадет перед очами эта пелена. Пусть рухнет стена, отделяющая сердце от сердца. О, какое счастье видеть каждому Херувима в каждом! О, радость навеки! Всякое ныне житейское отложим попечение. Всякое...*»

Отец Павел Флоренский

СИМВОЛ ВЕРЫ

Заканчивается Великий вход, закрываются Царские Врата, задергивается завеса. Просительной ектеньей Церковь начинает готовить молящихся к совершению Таинства Евхаристии: «*О предложенных честных Дарех Господу помолимся.*»

В это время священник тайно читает молитву приношения, прося принять это жертву. «*...И сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей, и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на предлагающих Дарех сих, и на всех людех Твоих.*»

* * *

Дьякон возглашает: «*Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы...*» Раньше после этих возгласов христиане в знак веры, любви и единомыслия лобызали друг друга. Этот обычай до сих пор сохранился среди священнослужителей. Все они целуют Дискос, Потир (от древнегреческого — «чаша, кубок»), Престол и друг друга со словами: «*Христос посреди нас*», — и отвечают: «*И есть и будет*».

Дьякон возглашает: «*Двери, двери, премудростию вондем!*».

В древней Церкви возглас «Двери, двери...» относился к привратникам, стоявшим у дверей храма, и призывал их внимательно

Миссионерские святочные встречи

Традиционно в дни Святок духовенство нашего храма, воспитанники Воскресной школы совместно с молодежным объединением «Невские» поздравляют ребятишек, лишенных возможности встретить Рождество Христово в семейном кругу, с праздничной театрализованной программой, рассказывают о празднике, поют рождественские песнопения, дарят сладкие подарки, фрукты. Такие поездки, конечно, сопряжены с определенными трудностями, требуют больших усилий и физических и духовных, тщательной подготовки, но как они важны, а все трудности покрывается любовью и радостью общего дела, и детскими благодарными улыбками!

* * *

В этом году театральная студия «Благовест» Александро-Невского Собора приняла участие в праздничной программе «Свет небесного Чуда», организованной библиотекой при содействии «Главалтайсоцзащиты» для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Перед началом праздничной программы выступил протоиерей Алексей Корчагин, который рассказал присутствующим о празднике Рождества Христова.

Пьеса «Колодец живой воды» не оставила никого равнодушными. Игру юных артистов сопровождали искренние аплодисменты зрителей.

* * *

10 января артисты театральной студии «Благовест» при Александро-Невском соборе поздравили маленьких пациентов Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю.К. Эрдмана с Рождеством Христовым.

В подарок православная молодежь привезла детям свой новый спектакль, а также молитвословы и сладости.

Это уже не первое театральное по-

здравление юных пациентов больницы от «Невских». На сей раз детям представили премьеру — детскую сказку «Колодец», герои которой — ежик, верблюжонок, медвежонок, змея и даже перекасти-поле вместе со зрителями учились дружить, справляться с испытаниями, помогая друг другу, любить и прощать. Дети, проходящие сейчас лечение в больнице, очень тепло приняли артистов и искренне порадовались сказке и подаркам.

Для «Невских» же было очень важно поделиться светом праздника с малышами, которые в силу обстоятельств вынуждены встречать Рождество Христово вдали от уютного дома, родных и близких.

* * *

По уже прочно устоявшейся традиции артисты навестили в часовне при больнице и о. Паисия (Олексюка), много лет кормящего больших и маленьких пациентов учреждения.

Батюшка принял как всегда радушно и гостеприимно, накормил вкусным обедом, поговорил с молодыми людьми, многих из которых он давно и хорошо знает, благословил молодежь на дальнейшую работу.

После выступления и общения с о. Паисием «Невские» освоили новый для себя, но полезный для всех артистов навык — умение отвечать на вопросы перед телевизионной камерой: на выезде в больнице театральную труппу сопровождала студентка Алтайского краевого колледжа культуры Мария Сергеева, которая снимала о ребятах репортаж для своей учебной практики.

К счастью, слава не вскружила молодым талантам голову, и быстренько ответил на все вопросы, ребята затеяли игру в снежки, что, конечно, намного веселее и интереснее, чем позирование перед камерой!

Елена Пушкарёва

наблюдать за входом и не впускать оглашенных или кающихся, то есть тех, кто не имел права присутствовать при совершении Таинства святого Причастия.

* * *

Когда мы поем Символ веры, мы ни о чем не просим, не каемся в своих грехах. Мы приносим обеты и клятвы.

Впервые мы поем Символ веры, принимая святое крещение. После вопроса священника о нашей вере, мы даем первую клятву верности, после чего и читается Символ веры. Каждое утро, просыпаясь, мы вновь клянемся Богу в верности, в том, что проживем этот день, как православные христиане.

Это — клятва, запечатленная самой Литургией. Мы поем Символ веры все вместе, едиными устами исповедуя нашу веру, для того, чтобы этой верой жить, чтобы эта вера познавалась по плодам, чтобы по этой вере люди нас узнавали.

Символ веры еще раз напоминает о том, что если мы считаем себя православными, то Православие наше должно восприниматься нами исключительно как путь, который мы выбрали и по которому идем, но отнюдь не как свершившийся факт. Это возможность, но далеко не данность.

Православие — не просто некая совокупность единомышленников, пытающихся утвердить свою веру за счет других, желающих везде быть первыми. Единственное, о чем нас спросит Господь: любили ли мы друг друга? Это истинный критерий нашей православности, потому что Бог и есть Любовь, совершенно недостижимая и недоступная людям, но которая во Христе стала достижимой и доступной для нас. Не схоластическое знание догматов, а настоящая, живая вера дает нам возможность познать Бога, а значит, и любить друг друга по-настоящему.

Жизнь Христова — это жизнь Церкви, потому что Он — Богочеловек, а Церковь — богочеловеческий организм. «Церковь — организм любви», — говорил богослов и публицист А. С. Хомяков. Человек, вступающий в Церковь и становящийся частью этого организма, непостижимым, мистическим, сверхъестественным образом к этой любви приобщается. Слова: «Возлюбим друг друга...» — не только обращенный к нам призыв, — это исповедание нашей веры, ее провозглашение, ее явление миру. Истинная любовь может быть только деятельной. Умозрительной любви не бывает.

Смысл церковного единения состоит в том, чтобы в мире не осталось ни одного чужого для нас человека. Даже находясь в Церкви среди единомышленников, мы по большому счету их не любим. Мы стараемся избегать людей, к которым испытываем неприязнь. А вот архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) писал: «Нежелание видеть какого-то человека очень похоже на приказ его расстрелять».

Как же в таком случае мы представляем себе Царствие Божие? Ведь там не будет возможности кого-то не видеть, от кого-то уйти, от кого-то спрятаться. Но если мы на земле кого-то считаем чужим, то как мы с ним увидимся в Царствии Небесном? Как ему в глаза там посмотрим, если здесь он для нас был чужим? Надо эту отчужденность преодолеть в себе.

Если мы, называя себя православными, не любим друг друга, а следовательно, и Бога, значит мы — еретики. Можно, оказывается, быть еретиком, формально оставаясь в лоне Православной Церкви.

На Литургии возглашается: «Возлюбим друг друга да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущую и Нераздельную», — потому что любить друг друга и исповедовать Святую Троицу — это одно и то же. Если у нас нет любви, то исповедования Святой Троицы у нас тоже нет. И, наоборот, если нет у нас правoverия, то и любви настоящей тоже быть не может, хотя нам известны примеры, когда люди, не будучи православными, подвигом веры и любви достигали истинного православия. Стоит вспомнить хотя бы католика Ф. П. Гааза (1780-1853) — русского врача немецкого происхождения, филантропа, известного под именем «святой доктор», не устававшего повторять: «Спешите делать добро!», или полковника Русской императорской армии, камер-лакея (камердинера) последнего российского импе-

ратора Николая II А. Е. Труппа (1856-1918) — латыша, который, оставаясь католиком, пострадал вместе с царской семьей, жертвенно приняв на себя всю меру страданий, как истинный православный.

Мы не потому православные, что смогли сохранить догматы святой веры неповрежденными, а потому, что Господь даровал нам возможность через истинное богопознание, не искаженное человеческим недомыслием, ложью или гордыней, воспринять всю полноту любви. Догматы даны нам лишь с одной целью: для того, чтобы мы научились любить.

ЕВХАРИСТИЧЕСКИЙ КАНОН

Во второй, важнейшей части Литургии верных происходит само совершение Таинства.

Призыв дьякона: «*Станем добре, станем со страхом, святое возношение в мире приносити*» подвигает всех к самой главной евхаристической молитве, которая называется Анафора или «возношение».

Анафора центральная, древнейшая часть христианской Литургии. Во время Анафоры происходит преложение или пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. Она начинается со слов: «*Благодарим Господа*». Хор поет: «*Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней*». Это сокращенное содержание начала евхаристической молитвы. Священник молится в алтаре: «*Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего*».

Может сложиться впечатление, что священник читает несколько молитв, разделенных возгласами, после которых хор начинает петь те или иные песнопения. На самом деле молитва Анафоры, не прекращаясь, продолжается вплоть до Пресуществления Святых Тайн.

То, что иерей тихо читает молитву Анафоры в алтаре, конечно же, обедняет наше восприятие Евхаристии. С другой стороны, она ушла из всенародной молитвенной практики отнюдь не «по прихоти священноначалия, стремящегося отделить народ от клира», но, скорее всего, именно потому, что сама духовная жизнь оскудела, и прихожане попросту не готовы к такому молитвенному напряжению.

Кульминационным моментом непрекращающейся евхаристической молитвы является эпиклеза (латинского слова *epiclesis* и греческого — «призывание»).

Священник читает про себя: «*Поминающе убо спасительную сию заповедь, и вся, яже о нас бывшая: Крест, Гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие*» и произносит вслух: «*Твоя от Твоих Тебе приносяще от всех и за вся*».

Вслед за возношением Святых Даров совершается их

преложение. Святой Дух призывается на предложенные Дары — хлеб и вино, — и происходит их преложение в Тело и Кровь Христовы.

Иерей берет в руки Святые Дары и, вознося их над Престолом, возглашает: «*Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся*».

Что же приносит священник «Твоя от Твоих»? Речь идет о принесении Проскомидии. Вы помните, что на Дискосе символически изображены Агнец, Матерь Божия, Церковь, святые апостолы, все святые, все живые и мертвые, окружающие Господа. Дискос, как образ самой вселенной, как образ самой Церкви, возносится ко Христу: «*Твое мы Тебе приносим, от тех, кто Тебе принадлежит, за всех и за все*». И Литургия, и Проскомидия совершаются не только в память о живых и мертвых, не просто как моление о нашей земле, но за весь мир, за всю вселенную, за все, что Господь сотворил.

Мы пришли сюда и все, что могли, принесли Тебе. Все, что у нас есть, принадлежит Богу. Мы принесли Тебе Твое. Хлеб — Твой. Вода — Твоя. Вино — Твое. Ничего своего у меня нет. Все — Твое. И я — Твой...

Путь Церкви восходящей ко Христу, это путь крестный. Священник скреждает руки, вознося перед молитвой эпиклезы Святые Дары на Престол. Вот путь каждого и всех нас вместе: принесение себя вместе со всеми за других, от всех и за вся — Богу. Это — путь восхождения и

крестоношения, единственный путь ко Христу, ведущий к жизни вечной.

* * *

Этот момент является началом молитвы эпиклезы, кульминационной части молитвы Анафоры, в которой совершается призывание Святого Духа на предложенные Дары — хлеб и вино, и преложение их в Тело и Кровь Христовы.

Хор поет: «*Тебе поем, Тебе благословим*», а священник читает молитву призывания Духа Святого на Дары: «*Еще приносим Ти словесную сию и безкровную службу, и просим, и молим, и мили ся деем, низпосли Духа Твоего Святого на ны, и на предлежащая Дары сия*».

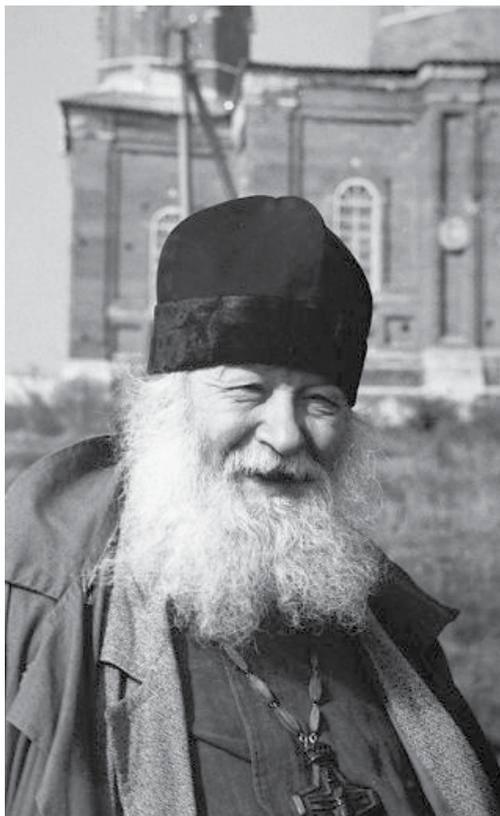
Это очень короткая молитва, которая не слышна нами, потому что в этот момент поет хор, но во время этой величайшей молитвы Святые Дары претворяются в Тело и Кровь Христовы.

Обратите внимание: мы просим послать Духа Святого на нас и на Дары. Мы просим всех нас сделать Телом Христовым, молим о том, чтобы все мы, в храме предстоящие, весь народ Божий, вся Церковь стали Телом Господним.

Благодатное сошествие Духа Святого не может обойти нас. Не только заранее приготовленные хлеб и вино, но все мы, участвующие в Литургии, в данный момент — Евхаристия. На каждого из нас сходит благодать Духа Святого, претворяя нас в Тело Христово.

Духовник должен быть готов за своих чад пойти в ад

Изменились ли пастыри и паства за двадцать пять лет церковной свободы, можно ли сегодня найти настоящего духовника, и что делать человеку, который ищет духовного руководства, но не находит опытного священника? Ответы на эти и другие вопросы о духовничестве — в интервью с протоиереем Валерианом Кречетовым, долгое время исполнявшим послушание духовника Московской епархии.

Протоиерей Валериан Кречетов родился в 1937 году в семье репрессированного бухгалтера и впоследствии священника Михаила Кречетова.

Рукоположен 12 января 1969 года, а в 1973 году окончил Московскую духовную академию. За долгие годы своего служения общался со многими выдающимися пастырями, в том числе с о. Николаем Голубцовым, о. Иоанном Крестьянкиным, о. Николаем Гурьяновым. Сегодня протоиерей Валериан — настоятель храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Акулово Одинцовского района.

Что такое духовничество вообще и какая мера ответственности у того, кто берет на себя обязанности духовного отца?

«Конечно, духовное руководство — важно и нужно, но требования к духовному отцу очень высокие. Однажды я вышел из церкви, и какая-то женщина вдруг побежала за мной: «Батюшка, что мне делать? Мой духовник сказал мне: «Я не хочу из-за тебя попадать в ад!» Я что-то ответил, а вскоре поехал на Афон и попал к одному старцу. К нему пришел духовник, который 20 лет окормлялся у старца Паисия. И вот тот старец сказал мне формулу настоящего духовного отца: «Духовным отцом может быть только тот священник, который готов за своих духовных чад пойти в ад». Самое удивительное, что я не рассказывал ему о вопросе, который задала мне та женщина, а он слово в слово повторил ее слова, только в обратную сторону».

Церковь воинствующая и Церковь тайная

— Двадцать пять лет церковной свободы — уже целая эпоха. Если сравнить 1990-е годы и наши дни, как поменялась церковная жизнь за эти годы? Как изменились прихожане?

— Когда говорят о советском времени, я всегда вспоминаю книгу святителя Николая Сербского «Царев завет». Рассказывая про происхождение на Косовом поле в Сербии, он очень хорошо в духовном смысле объясняет и то, что происходит в мире. Когда царь Лазарь молился на Косовом поле перед битвой, он должен был выбрать одно из двух царств: земное или Небесное. Он избрал Небесное Царство, и по пророчеству и войско, и державу, и его самого постигла гибель.

Но во время битвы перед царем явился ангел и сказал, что его держава должна погибнуть, чтобы спаслась душа народа: «Держава и дается народам, дабы было чему погибнуть вместо него, чтобы было, что дать в откуп за душу народную. Такая сделка выгодна, когда за недорогую цену покупаешь сокровище [и душу народную спасаешь, и Царство Небесное обретаешь!]. Поклонись Тому, Кто разрушает дешевое, дабы сохранилось драгоценное; Кто косит солому, да сохранится зерно».

В мире идет война зла против добра, и наша Церковь — воинствующая, но не она начинает войну, а против нее воюют. И если всё вокруг гибнет здесь, на земле, это не значит, что всё плохо. Нет худа без добра.

Когда-то мне пришлось слышать одну интересную притчу. Один человек приходит к старцу и говорит: «Отче, у тебя всё ладится, а у меня ничего не ладится, почему?» Старец ему говорит: «Терпение нужно». — «А что такое терпение? Терпишь-терпишь, какой от этого толк? Всё равно что воду в решете носить!» А старец отвечает: «А ты дождись зимы».

Вот как раз то, что предсказано в этой притче, сейчас и произошло. Ведь казалось бы, всё уже было решено, с Церковью покончено, всех пересадили и перестреляли, но явился сонм священномучеников, и люди закалились в войне. И пока Церковь была в гонениях, она держалась твердо.

Внешне было гонение, внешне ничего не осталось уже, всё было кончено,

но верующие люди оставались. Об этом прекрасно говорил еще преподобный Серафим, он приводил в пример времена пророка Илии, когда «все сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечом, остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее». Это Илья-то, пророк, своим орлиным взором на жизнь не увидел никого вокруг верного, кроме себя. А Господь ему сказал, что «между израильтянами еще семь тысяч мужей, которые не преклонили колен своих пред Ваалом и уста которых не целовали идола». Семь тысяч! То есть столько верных оказалось, которых пророк Илья не увидел.

И преподобный Серафим говорит: «А у нас-то сколько будет?» Многие верующие во времена гонений занимали государственные посты, но что они православные, почти никто не знал. Это была та самая, как теперь называют, тайная Церковь, которая никогда не была отделена от Церкви официальной, но сокрыта от мира, чтобы сохранить веру.

А теперь вышло, как по притче о решетке — то в решетке всё проливалось, а теперь наступила зима, что не донесешь эту воду-то.

И я на себе это лично испытываю, потому что священнику сейчас, если действительно трудиться, ни сил не хватает, ни времени — настолько в нем велика потребность. И вот тут-то как раз самый сложный момент, потому что в священство ринулись многие, а служение-то это высочайшее, сложнейшее и ответственнейшее.

Если даже молодой человек будет учиться в специальных учебных заведениях, наука — это только надводная часть айсберга. Духовная жизнь настолько сложна и многообразна, что специалистов в этой области единицы.

Как говорят старцы, дар священства, духовничества — особый. «Дар рассуждения выше дара смирения», то есть рассуждать, как поступать — где и когда молчать, когда действовать — очень сложно научиться. Как в Библии написано: «Мудрый молчит до времени; а безумный говорит без времени».

— То есть сейчас, когда открытого гонения на Церковь нет, фокус проблемы сместился с внешнего мира на внутреннюю жизнь самой Церкви? И здесь велика роль священника, важен его духовный опыт?

— Да, теперь есть возможность говорить многое, а не так это просто, да и о чём говорить? Один человек рассказал мне интересный случай из своей жизни. Он был филологом, учился в МГУ, и у них был преподаватель-армянин, который говорил студентам: «Молодые люди, вот вы изучаете разные языки, а не скажете ли вы, о чем вы будете говорить на этих языках?»

И правда — о чем? А я всегда привожу слова Маяковского:

Изводят единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.

Бывает, читаешь политические статьи, а присмотреться — хорошо, если там есть единое слово по существу. Тем более непросто говорить на духовные темы.

Духовное слово не имеет силы, если оно оторвано от сердечной деятельности, от опыта духовного. Еще

религиозный философ Иван Киреевский говорил:

«Мышление, отделенное от сердечного стремления, есть такое же развлечение для души, как и бессознательная веселость. Чем глубже такое мышление, чем оно важнее, по-видимому, тем, в сущности, делает оно человека легкомысленнее. Потому серьезное и сильное занятие науками принадлежит также к числу средств развлечения, средств для того, чтобы рассеяться, чтобы отделаться от самого себя. Эта мнимая серьезность, мнимая дельность разгоняет истинную. Удовольствия светские действуют не так успешно и не так быстро».

Вовлечение в рассуждение на духовные темы, оторванные от сердечной деятельности, от духовного опыта — развлечения более пагубные, чем светские. Просто видимость духовного, а сущности нет.

Права без обязанностей

— В Псалтыре есть такие слова: «глумляясь в оправданиях Твоих». Но глумиться у нас — это издеваться, кощунствовать, а на самом деле первое значение этого слова — размышлять. Но размышления тогда оправданы, когда они связаны с духовным опытом, с сердечной деятельностью, а если они от нее оторваны — это глумление. Сейчас, например, многие стали говорить и писать по духовным вопросам, а опыта-то нету. Получилось, что некоторые глумятся над словом истинным.

По логике мира, люди становятся умнее, умнее и умнее, но, к несчастью, это не так. Потому что ум — это не количество знаний. Аристотель сказал: «Множество знаний еще не предполагает наличия ума», и увлечение знаниями и пренебрежение нравственностью есть движение не вперед, а назад.

Однажды, ко мне пришел один атеист, который верил в происхождение человека от обезьяны. Он хотел крестить свою дочь, но жаловался, что не может с ней справиться. И я ему сказал, что согласно его верованиям, он никогда с ней не справится, потому что с чего дочери его слушаться, если он недавно с дерева слез?

На самом деле человек вышел из рук Творца совершенным, но не имеющим опыта. Конечно, он должен был еще, чтобы уподобиться Творцу, совершенствоваться, «будите убо вы совершенны, якоже Отец ваш Небесный совершен есть». И святитель Николай Сербский говорил, что первые люди не много знали, но всё понимали. Постепенно стали знать больше, но понимать меньше. Оказывается, можно много знать, но ничего не понимать. Как подметил один раб Божий, глядя на современного человека:

Душа отпылала, погасла,
состарилась, влезла в халат,
но ей, как и прежде, не ясно,
что делать и кто виноват.

Что делать, кто виноват — с этими извечными вопросами люди обычно и обращаются. В связи с тем состоянием, в которое сейчас погрузился мир, многие бросились в Церковь. И, к несчастью, немногие понимают, что всё происходящее — плод греха, а пытаются, не учитывая, что главное, разобраться, что делать и кто виноват. Поэтому вопросы, которые люди задают на исповеди, больше не о том, как спасти свою душу, а как устроить счастливую жизнь для себя на земле.

— *А какие проблемы сейчас больше всего волнуют людей?*

— К несчастью, чаще людей волнует только собственная личность, «эго». Очень много эгоизма стало. Раньше люди больше смирялись.

Теперь каждый хочет жить по-своему — без обязанностей, но со своими правами. Например, повсеместно распространился так называемый гражданский брак — открытый блуд без обязанностей. Но когда человек собирается создать семью, он должен минимум в два раза уменьшить свои желания, и подготовиться минимум в два раза увеличить свои обязанности. А у нас от своих желаний не хотят отказываться, а обязанностей вообще никаких.

При вступлении в брак нужно спрашивать: «Что ты хочешь: иметь жену, иметь детей, иметь хозяйство, или же: быть мужем, быть отцом, быть хозяином?» Быть или иметь? Бытие предполагает жизнь. Быть кем-то — это иметь обязанности. Если это муж — у него свои обязанности, если отец — свои обязанности, если директор — свои обязанности. А у нас? Развалил семью, а кто виноват? Обычно виноваты оба, и больше виноват тот, кто умнее.

Собственно говоря, что такое народ? Народ — это много семей. Семья — малая Церковь, семья — основа государства. И поэтому развал государства происходит из-за развала семьи.

Как найти духовника и нужно ли его искать?

— *Как найти духовника? Что делать, если не получается найти себе духовное руководство?*

— Обязательно нужно ходить в Церковь и причащаться, и потом уже молиться, чтобы Господь послал духовника. И если пошлет — чтобы Господь дал ему разумение. Потому что есть такое изречение, что хорошие послушники не всегда были именно у святых отцов. Есть такие примеры, когда послушники были настолько смиренны и преданы, что они и сами спаслись, и их духовных наставников, которые были недостойными, Господь спас.

И наоборот, рядом со святыми не все были святые. Среди 12-ти апостолов один оказался Иуда. Многое зависит от самого человека.

Духовное руководство — важно и нужно, но требования к духовному отцу очень высокие. Его служение основано, прежде всего, на жертвенной любви, которая есть любовь Божья. И поэтому, если Господь дает это святое чувство, тогда всё становится по своим местам.

Есть такая книга о священстве епископа Арсения (Жадановского), где он вспоминает, что когда Господь восстанавливал апостола Петра в апостольском достоинстве, Он ничего от него не требовал, только любви: любишь Меня — паси овцы моя. То есть если есть любовь — есть пастырь и духовник. А если любви нет, то и пастырства истинного нет.

— *Что делать человеку, который ищет духовного руководства, но не находит опытного священника? Смиряться, общаясь с неопытным духовником, делать по-своему?*

— Самое главное — помнить, что всё управляется промыслом Божиим. Господь может дать разумение. И нужно молиться и пастве, и пастырям. Иногда меня о

чем-то спрашивают, а я не могу ответить. Я не стесняюсь сказать: я не знаю. Есть такое изречение: Бог никогда не спешит, но никогда не опаздывает. В жизни всё совершается в свое время. Положись на Бога, и Он всё совершит на духовную пользу.

Помните пример, который нам дан в Евангелии? Перед Пилатом стоит избитый, связанный Спаситель. И Пилат говорит: «Мне ли не отвечаешь? Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?» Господь спокойно отвечает: «Не имали власти ни единыя на мне, аще не бы ти дано свыше». Так и получилось: он хотел отпустить Иисуса, а подписал распятие, не проявил своей власти, не смог.

Так что всё управляется промыслом Божиим. А люди часто забывают об этом, особенно в отношениях с духовником, заикливаясь на его личности. Личность же сама по себе довольно беспомощна. Даже грешить человек не может без Бога — например, если бы Он не дал нам ноги, мы бы и не пошли грешить, не дошли бы просто. Поэтому как таковой самобытности у человека просто быть не может. Самобытен один Бог. И по Его воле всё творится — Он Тот, «Кто косит солому, да сохранится зерно».

Ведь мы не устраивали никаких демонстраций в свое время, а Церковь внезапно оказалась свободна. От коммунизма осталась одна вывеска. Да и что такое коммунизм? Попытка построить Царство Божие на земле, рай без Бога.

Был такой отец Мисаил, келейник митрополита Нестора Камчатского, он сидел в тюрьме в советское время, и ему говорили: «Вот мы здесь на земле рай строим». Он отвечает: «Бесполезное занятие». — «Вы что, против власти?» — «Нет, всякая власть от Бога. Но строить рай на земле — бесполезное занятие». — «Как, почему?» — «А очень просто. Первые христиане уже строили такое общество, всё общее было, но ничего не получилось».

И действительно, первые христиане — это общество, с которого скопировали идею коммунизма. Но даже при том духе они не смогли удержаться в полном бесстрастии. Так что всё это уже было. Как отец Иоанн Крестьянкин в свое время говорил: ничего нового у них нет, всё краденое, только переделанное на свой лад.

— *Как быть человеку в ситуации, когда на исповеди священник советует ему то, что для него невыполнимо? Например, всем известные примеры, когда священник не благословляет брак, говорит: «Нет воли Божией вам вместе быть», что делать? Спорить?*

— Послушание послушанием. Любовь не проходит, проходит влюбленность. Вот родители тоже что-то запрещают, как быть — слушаться или не слушаться? Вообще, полагается всё-таки слушаться. Другое дело, что иногда этого решения не принимает душа. Тогда нужно молиться и ждать. Я знаю такой пример, когда молодой человек и девушка полюбили друг друга, а родители были против. И я им сказал: «Вы же любите друг друга, любить-то невозможно запретить? Пожалуйста, продолжайте любить». Они так и сделали. А потом мать не выдержала — разрешила. И они венчались.

Если любовь истинная, если нет желания обладания, если чувствуешь, что это твоя родная душа, родной

человек — этого может быть и достаточно. У моей мамы была подруга, за которой жених ухаживал сорок лет. Он любил ее, и она его любила, но она не могла оставить свою маму и создать с ним семью. Они встречались, заботились друг о друге, и настолько уже сроднились, что, когда стали супругами в возрасте 60 лет, ничего другого, кроме духовной и душевной близости, им было уже и не нужно.

Собственно, есть пример и у Александра Сергеевича Пушкина — Татьяна Ларина говорит: «Я вас люблю (к чему лукавить?), но я другому отдана, — и буду век ему верна». Можно любить, но не обязательно скорее вместе жить, по крайней мере не нужно спешить.

У нас же сейчас говорят: надо скорее пожить вместе, проверить чувства. К несчастью, так истинная любовь не проверяется. По словам Иустина Поповича, любовь к человеку без любви Божией есть самолюбие, а любовь к Богу без любви к человеку есть самообман.

Самое главное — это воля Божия. Если действительно чувство есть, оно останется, оно будет жить, а если из-за трудностей оно пропало, то его, может, и не было, или это увлечение было, другое чувство, не любовь. А любовь, как говорит апостол Павел, никогда не пропадает и не может пройти, любовь остается любовью.

— А как для себя рас-
пределять строгость испол-
нения сказанного духовни-
ком? Простой пример: духовник
всем своим чадам говорит строго
исполнять пост, а у тебя гастрит?
Что здесь делать, слушаться или
поступать по своим ощущениям?

— Пост для человека, а не чело-
век для поста, лучше недопоститься,
чем перепоститься. И еще: в пост не
«нельзя», а «не положено». Если бы
было нельзя, то святитель Спиридон Тримифунтский не
стал бы есть мясо Великим постом — есть такой пример
из его жизни, когда нечем было накормить гостя с дороги,
и он велел принести мясо, и сам ел вместе с ним, чтобы
не смущать его.

Но пост очищает, пост — это великая сила. Сам Го-
сподь постился. Если Он, Тот, Которому, в отличие от
нас, не нужно было поста, постился, как же нам грешным
не поститься? Но есть разные ступени строгости поста.
Есть много полезной для здоровья пищи и постной: от-
вар брюссельской капусты полезнее куриного бульона.

На самом деле, когда у человека какое-то горе или
есть настоящее чувство, он о еде и не думает. За одной
девушкой ухаживал некий молодой человек и говорил, что
ее любит. А она была очень мудрая и сказала ему, что раз
ты готов на всё, давай, недели две или три будем постить-
ся и молиться. А потом, когда срок вышел, она накрыла
шикарный стол, привела молодого человека и говорит:
«Ну что, за стол или под венец?» Он за стол бросился.
Всё, выбор сделал.

— То есть нет такого критерия в
отношениях с духовником: послушание или
собственное решение?

— Критерий один — любовь. Если озлобление,
раздражение, какой толк от этого? К чему это? Выше
закона может быть только любовь.

— А если нет духовника или он далеко,
как жить, чем руководствоваться в своих
поступках?

— Если духовника нет, или с ним сложно связаться,
то надо молиться. Нужно просто помнить, что Господь
рядом, и к Нему надо всегда обращаться.

Однажды у меня в молодости была сложная ситуация
на работе, я растерялся, не зная, что предпринять, и на-
чал читать по очереди акафисты святителю Николаю и
преподобному Серафиму, и вдруг всё наладилось. Это
был первый пример в моей жизни, когда я на себе ис-

Старец Николай Гурьянов и протоиерей Валериан Кречетов

пытал, что если не знаешь, что делать в сложившихся
обстоятельствах, нужно сразу усиливать молитву, просить
помощи Божией.

Это как раз те же вопросы: «что делать?» и «кто вино-
ват?» Винават сам, прежде всего. Надо с себя начинать,
потому что от себя никуда не денешься. А вот что делать?
Нужно молиться, чтобы Господь указал: «Скажи мне,
Господи, путь, вонже пойду».

Архимандрит Иннокентий Просвирнин однажды ска-
зал мне такую формулу отношения к жизни: когда Небо
молчит, не надо ничего предпринимать.

Я потом уже прочитал, что подобное правило исполь-
зовал священномученик Серафим Звездинский. Когда его
спрашивали в смутные времена, как быть, если не знаешь,
как поступить и посоветоваться не с кем, он рекомендовал
три дня молиться и просить воли Божией, и Господь ука-
жет, как поступать. Если не укажет, значит, еще молиться
и терпеть. Так поступают и на Афоне.

Я сам часто советую так поступать, и это правило
приносит хороший плод.

Если нагрузить человека подвигами сразу — он не выдержит

— *Отличается ли духовное руководство над новоначальными и, так скажем, уже выросшими христианами?*

— Конечно. Отличие в мере строгости. Когда я только начинал свое служение, был такой духовник архимандрит Тихон Агриков, вот он мне говорил, что нужно человека сначала привлечь, а когда он привыкнет — можно и построже. Потому что если сразу нагрузить человека разными подвигами, он не выдержит. Вот я в свое время занимался спортом, и здесь, как в духовной жизни — сначала небольшие нагрузки, потом побольше, иначе человек надорвется. И нужно помнить, что нести послушание — это крест. В монастырях это очень непросто, а в миру — тем более.

Протоиерей Сергей Орлов учил меня как молодого священника, и обычно не говорил категорично: вот так и никак иначе. Если я что-то спрашивал, он говорил: «Да всяко бывает». А я думал: ничего себе, человек с таким-то духовным опытом, образованием, и вроде конкретно ничего не сказал... А не всё так просто.

Настоятель Иерусалимского подворья протоиерей Василий Серебренников, который приезжал к отцу Сергию исповедоваться, мне сказал однажды: «Мне больше всего нравится в духовных вопросах, когда ничего не поймешь». Не нужно стесняться, если не понимаете что-то в духовных вопросах. Там, где непонятно — всё просто: непонятно и всё. А вот когда, казалось бы, всё ясно, иногда потом может возникнуть много сложностей. Например, вопрос о частом причащении, казалось бы — хорошо часто причащаться? Очень хорошо. А мне батюшка говорил: «Да это как сказать? Кто как к этому будет относиться? И если будет такое отношение: Манька пошла — и я пойду, во что всё превратится тогда?»

— *Духовник может давать человеку свободу самому решать, что делать?*

— Очень опытный духовник святой протоиерей Алексей Мечев, когда его о чем-то спрашивали, прежде всего говорил: «А ты как думаешь?» Потому что настоящее духовное воспитание обязательно должно давать пищу уму, чтобы человек учился рассуждать. Не всё ж человека за ручку водить.

Послушание полное — это, конечно, хорошо, но оно возможно только в монастыре, а в миру это сложнее.

Вот у меня водительский стаж — 59 лет. И я, когда первый раз сел за руль, чувствовал себя очень неуютно. Мне подсказывали, и я постепенно освоился, привык. Вот так же и в духовной жизни нужно приобретать духовные навыки.

Я по военной кафедре штурман военно-воздушных сил, и у нас был полковник Плеский, до сих пор его помню, он говорил: «Я заставляю вас самолетовождение знать в стихах, в воздухе некогда рассуждать, там нужно действовать». Так и в жизни — духовные навыки нужно приобретать, чтобы они стали нашей второй натурой. Знание — это то, что пропущено через свой опыт и стало навыком.

— *Когда человек только приходит в храм, ему объясняют, как исповедоваться, причащаться, какое читать правило. А как дальше расти духовно? Что, если человек уже лет 10-20 в Церкви, и ничего не меняется, в чем проблема?*

— Не в чем, а в ком. В самом человеке проблема.

Отец Иоанн Крестьянкин говорил, что за человека ничего нельзя сделать. Можно помочь, но если сам он не будет делать — ничего не получится. Бог насильно не спасает без желания и участия самого человека.

Есть такие вечные студенты — ходят, ходят, и никак не закончат учебу. Кто виноват — тот, кто преподает или тот, кто учится?

— *Кто учится, то есть человек должен сам начать переходить от каких-то внешних вещей к внутренней жизни?*

— Внешние вещи и даются для того, чтобы положить путь к внутреннему миру.

Навык хотя бы сказать «прости» дается не просто так. Постепенно всё начинает меняться внутри человека. Есть такое выражение «Тебя будут называть свиньей — захрюкаешь. А если ангелом — может, и ангелом станешь, запоешь».

— *Часто для тех, кто давно в Церкви, молитва превращается в формальность, пост исполняется без рвения, почему?*

— Бог даст молитву молящемуся. Если стараться всё-таки вникнуть в слова молитвы, она не может быть полностью формальностью. Да, устаешь, а всё равно делаешь. Что значит «формально»? Читал молитву, а в это время что в твоей душе происходило?

Всё же лучше хоть как-то молиться, чем вообще ничего не делать.

— *А научиться молитве можно?*

— Научиться можно — нужно молиться.

— *Практика?*

— Да. Также часто молитве учит какая-то скорбь, стеснение. Когда мой отец учился в семинарии, один из старых профессоров задал ему такой вопрос: «Что делает Господь с человеком, когда хочет его к Себе привлечь?», — отец ответил что-то. — «Хорошо, а что главное?», — отец молчит. — «Тугу душевную посылает ему».

— *Тут, наверное, сложно не впасть в уныние, если всё время скорби?*

— Всё проходит. Я всем говорю, послушайте хотя бы Пушкина, если не хотите слушать Священное Писание. Знаете, как он сказал?

Если жизнь тебя обманет,

Не печалься, не сердись!

В день уныния смирись:

День веселья, верь, настанет.

(Тут так и хочется добавить: «А смиряясь, помолись!»).

Сердце в будущем живет;

Настоящее уныло:

Всё мгновенно, всё пройдет;

Что пройдет, то будет мило.

Ведь оно от Бога было, по старцу Серафиму Вырицкому.

И нужно не забывать даже в самые трудные дни жизни благодарить Бога — он ждет нас и пошлет еще большие блага. Человек с благодарным сердцем никогда ни в чем не нуждается.

Беседовала Мария Строгонова
Православие и мир

ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА

*Мой первый – семнадцатый
Крестный ход в Коробейниково*

Окончание. Начало №7, 2015 г.. Продолжение №8, 2015г.

Подъем!» — слышим мы голос нашего «полковника» дьякона Константина. Время прощаться со всеми провожающими. Ко мне подходят дорогие мои р.Б.Н. и р.Б.Е., желают удачи, напутствуют самыми нужными словами. «Счастливая! Тебе идти дальше, а нам — возвращаться обратно!» — вздыхают мои девчонки. Обнимаемся напоследок. Крестоходовцы встают, строимся в колонну, не забыв приложиться к нашей «походной» иконе, и уходим!

Город остался позади, осталась позади и наша обыденная жизнь. Чувствуем, как долго-долго машут нам вслед провожавшие, молятся за нас, чтобы дошли до Коробейникова все! Но, конечно, дойдут, увы, далеко не все! Пришлось увидеть, как и на «скорой помощи» будут возвращаться люди обратно (одна из сестер получила такие сильнейшие солнечные ожоги, что нуждалась в немедленной госпитализации). Случалось порой и так, что идущие сами осознавали и принимали кротко тот момент, когда дальнейшее прохождение пешком грозило крайне негативными для физического здоровья последствиями. Они просто смирились со словами: «На все воля Божия!» и поворачивали в город. Им было, конечно же, нелегко сделать это. Да, «просто смириться» — просто ли это на самом деле?

Идем по шоссе. Нещадно палит солнце. Шагать по раскаленному асфальту — тяжело. Нас обгоняют машины, многие водители неторопливо крестятся, глядя на наш крестный ход, высовываются из окон машин и приветствуют паломников добрыми словами. А некоторые раздраженно объезжают нашу неровную вереницу,

еле сдерживая досаду: конечно же, мы им мешаем ехать. Ну, что ж, помоги нам всем, Господи, в наших желаниях!

Проходим многочисленные садоводства, цель сегодняшнего дня — Шадрино. До него 25 км!!! 7 уже прошли, осталось еще 18! Долгих 18 км! Я никогда не бывала в этом селе, но о нем слышала с детства очень часто. Именно сюда, во время войны, ходила моя бабушка, р.Б.Пелагея (упокой, Господи, ее душу!) менять вещи на картошку, обычную картошку, чтобы накормить всех своих малышей. В те голодные годы бабушка научилась варить мыло и мастерски шить шторки из обыкновенной марли. Нагрузившись вот этим-то «товаром», бабушка шла десятки километров по бездорожью, чтобы обменять вещи на еду. Я до сих пор не могу осознать этого — как она пешком доходила до Шадрино. Ну, дойти — это еще ладно, но вот как на спине донести назад мешок картошки (а ведь меньше никак нельзя, ведь дома голодные дети) — это просто уму непостижимо! Бабулечка, да как же ты все это сдюжила?! Сейчас иду налегке, за спиной — небольшой рюкзачок — и то невероятно тяжело! Так я иду по асфальту, а как же шла ты? И я молюсь, молюсь усердно за упокоевание дорогой моей бабушки, Пелагеи, которая выдержала и войну, и бомбежки в Сталинграде, и голодные глазки деток, да еще и в те суровые годы родила ребенка! Мы, современные мамочки (неважно с каким количеством деток, чаще 1-2) часто ноим по разным пустякам, сетуя и на тяжелую жизнь, и на все-все. А наши бабушки не роптали, а просто делали свое нехитрое материнское дело, ждали мужей с фронта,

сохраняли детишек — и Бог не оставлял их своей милостью! И умерла моя бабушка аж в 103 года, приобщившись Святых Тайн на Вербное воскресенье в 2008 году. И хоронили мы ее всем своим многочисленным родом в Чистый Четверг. Вот такой кончины заслужила она! А чего заслужим мы, современные россияне?

Вторая остановка. Бураново. «Бурановские бабушки» из Мордовии известны теперь на весь мир благодаря своим чудным песням. Алтайские «бурановские» бабушки так же известны многим крестоходовцам. Каждый год они выходят к трассе и потчуют усталых братьев и сестер своим чудным угощением: здесь и молоденькая картошечка с мелким укропчиком, и молочко для малышей (благословил Владыка), и малосольные огурчики, и собранные с грядки ягоды! Народ штурмует такое изобилие, а бабульки ласково улыбаются и подбадривают нас: «Кушайте, кушайте! Вам силы нужны!»

Сейчас вспоминаю этот момент в пути и думаю, как же все было там хорошо! Мы все разместились вдали от трассы, и, вытянув усталые ноги, уписывали все эти необыкновенно вкусные продукты, благодарили Бога. Многие вздыхали: «Лето Господне! Как же хорошо!» Отдыхают взрослые, но детки крестоходовские словно не ведают усталости — носятся, играют в догоняшки, плетут веночки из полевых цветов и...поют. И эти нехитрые детские песенки действуют на нас, взрослых дяденек и тетенок, лучше, чем любое лекарство от усталости.

Идем дальше. Усталость нарастает. Пьем водичку постоянно, так учили-подсказывали мои опытные друзья: «Пей чаще, ведь во время таких тяжелых переходов теряется много влаги! Не забывай помогать сама себе». С собой, среди других вещей в рюкзаке, заветная бутылочка со святой водой. Я взяла ее из дома, и в пути периодически пополняю ее свежей водой. Становится намного легче, когда попьешь святой крещенской воды и помолитшься. Порой молишься не просто спокойной молитвой, а уже молитвой-воплем: «Святой Николай-чудотворец, помоги идти, нет сил! Помоги Святой!» Так получилось, что в этом Крестном ходу молитва к Святому Николаю Чудотворцу была у меня самой частой. Конечно, я помнила о помощи св.Николая путешествующим, но дело, наверное, еще и в том, что в доме мамы, в красном углу, всегда хранилась главная святыня нашего рода — старинный образ св. Николая. Этой иконой благославлялась на венчание еще моя бабушка. И именно перед ней я молилась за несколько дней до Крестного хода. От молитвы святителю Николаю чуть-чуть, но становится легче. И я иду, иду дальше...

Хоть в Крестном ходе и не смотришь по сторонам, люди идут сосредоточенно, не отвлекаясь на посторонние разговоры, негромко читая молитвы, но все же, вольно или невольно, замечаешь и отмечаешь некоторых по-настоящему замечательных паломников, т.к. не заметишь их просто невозможно. Среди них, конечно же, самая яркая молитвенная свеча Крестного хода — о.Кирион. Весь путь батюшка шел впереди всех, неся зажженный фонарь, словно освещая тьму духовную и даря всем нам, заблудшим, свет и удивительную любовь. К нему, порой, совсем не по монашескому уставу, шли и шли усталые крестоходовцы обниматься-благославляться. Кроткая улыбка, тихая мудрость во взгляде действовала необыкновенно успокаивающе и ободряюще на многих из нас. Батюшка уже старенький, немощный. Как он идет, как он несет свой крест в этом пути, не показывая усталости — это загадка. Ему ведь уже за 70 лет! Правы святые отцы — сила в немощи совершается — опять мы видим подтверждение этой нехитрой истины.

Отец диакон Константин Филатов. Наш дорогой организатор. Каждый год он выступает с очередным Крестным ходом. И сколько сил, да и просто нервов, отдает он нам, бестолковым, когда очередной паломник или резко перебегает дорогу по своим делам (а ведь кругом движущиеся автомобили), или в изнеможении садится на обочину — и тогда нужна помощь медика или просто срочно вы-

зывается одна из частных машин, сопровождающих нас в этом пути. А чего стоит «игра в прятки»? Она начиналась, обычно, в конце дня, когда до очередной стоянки оставалось сравнительно немного километров, и тогда вызывался автобус, чтобы «добросить самых-самых стойких паломников» до лагеря, где уже размещался весь Крестный ход. «Я хочу дойти сам, без автобуса!» — кричит очередной подвижник. Да, все понятно, и рвение, и, что силы у молодых паломников поболее, чем у остальных. Но ведь везде должен быть порядок и послушание. Сказал руководитель — по автобусам, значит надо выполнять. А некоторые в это время, как это ни смешно сейчас вспоминать, просто прятались, как дети, создавая головную боль и о.Константину и другим.

Этого паломника знают и любят многие крестоходовцы. Это необъяснимо, но этот дедушка на двух костылях(!!!) передвигался так быстро и ритмично, что мы, молодые, смотрели ему, удаляющемуся с какой-то немыслимой скоростью, вслед и не понимали какая физическая сила его движет. Этот раб Божий никогда не был в отстающих — никогда! С ним здоровались и священники и монашествующие, он ласково кивал головой и — неся все дальше и дальше. Какой силы молитва помогала ему в пути мы не знали. Мы могли лишь догадываться.

«Скандинавская ходьба» сейчас модна. Эту женщину я мысленно прозвала «скандинавская дама». Она шла весь Крестный ход со своими палочками, красивая, интеллигентная, похожая на многих любительниц этого вида передвижения. Но выражение ее лица говорило о совсем другом: человек здесь не улучшает свой спортивный разряд. Отнюдь. Этот человек идет к Богу, так сосредоточенно было ее лицо. Я никогда не видела ее улыбавшейся. Она просто шла. Просто шла все 200 км. Попробуйте так же «просто пройти»! Это очень сложно!

Третий привал у озера. «До Шадрино остается всего ничего! — утешают-подбадривают друг друга крестоходовцы. — И дойти надо!» И как же здорово просто посидеть на берегу, опустив свои раскаленные ступни в обжигающую прохладу озера! Братья — им хорошо, им можно — плавают, резвятся, набираются сил для последнего марш-броска. А мы, сестры, отдыхаем просто на бережку. Нам и так хорошо! Подкрепляемся огурчиками и хлебом от «Григорича», просто лежим на травке. Час отдыха — это очень много для крестоходовца. Да, тяжело подниматься, услышав команду о.Константина. Но мы встаем и с какой-то новой силой двигаемся дальше. Этот последний участок тяжел тем, что здесь путников преследуют бесконечные спуски-подъемы, хоть и незначительные, но когда за спиной пройдено почти 20 км, эти горки превращаются просто в непреодолимые препятствия. Но мы идем и идем: кто на своих двоих, кто на костылях, кто с детскими колясками. Еще немного, еще чуть-чуть...

Шадрино. Если бы остались силы, то точно запрыгала бы от радости! Какие прыжки?! Да, вывеску-указатель «Шадрино» мы видим, но ведь нужно еще дойти до старой школы, где базируется наш православный лагерь. А это еще пару километров, всего пару, но уже хочется просто ползти. Но молимся все, весь Крестный ход, и преодолеваем последние метры просто нечеловеческими усилиями.

Все!!! Дошли!!! Небольшая группка паломников

идет на автобусную остановку, чтобы вернуться в Барнаул. У них завтра работа. Эти люди пронесли свой крест столько, сколько могли. С сожалением они смотрят на нас. Мы остаемся, мы завтра двинемся дальше.

Но теперь заслуженный, вымоленный привал. Интересно, но тут же, некогда стройная колонна паломников превращается в маленький православный городок. Начинается другая жизнь. Мы устраиваемся на ночлег, ставятся палатки, несет ароматом полевой кухни, которая уже давным-давно на месте и готовится нас поить-кормить. Люди двигаются туда-сюда, решают свои бытовые проблемы. Батюшка объявляет нам, что через несколько часов начнется первая в этом Крестном ходу вечерняя служба с исповедью. Завтра утром все желающие смогут причаститься на литургии. В этом Крестном ходу вместе с нами путешествует и «передвижная походная церковь», и Владыка Сергей благословил всех паломников на ежедневное причащение. Конечно, по силам, по желанию.

Падаю на какие-то строительные блоки, отдыхаю полчаса, даже не шевелясь. Но усталость чуть уходит, встаю, умываюсь из самодельного умывальничка (их много развешано для всех нас — постарались организаторы!) и встаю в многосотенную очередь жаждущих и голодных братьев и сестер, уже родных почти — за своим первым ужином. Я думаю, любой крестоходовец согласится со мной, что самая вкусная еда на Земле — трапеза в Крестном ходе. Пахнет дымком, слышны приглашения наших поваров к трапезе, и очередь передвигается так быстро, что не успеваешь опять устать. Пару кусочков хлебушка, суп из сайры, салатика из овощей, чай с печеньем (целая коробка!) Бери, сколько хочешь — никто не считает. Но мы все берем столько, сколько сможем съесть. И какой же силы звучит молитва «Отче наш»! Да, сегодня мы заслужили свой насущный хлеб, и спасибо Господу за эту милость к нам, усталым, грешным людям, но каким же счастливым! Я вижу запыленные лица, загорелые лица, лица усталые, но у всех — без исключения, светятся глаза каким-то тихим светом радости и добра.

Первый день подходит к концу, солнышко укладывается спать. Укладываемся и мы, хотя, смотрю, и не все. Невероятно, но то тут, то там вижу группы людей с молитвословами. Люди читают вечернее правило, негромко, чтобы никому не мешать. Очень многие молятся беззвучно. Просто стоят каждый у своей палатки — и разговаривают... с Богом.

25 км позади. Тут упасть бы и не двигаться, но — читают молитвы все. Это так необычно, когда вокруг тебя — только молящиеся люди. Какой-то православный городок, которого нет на географической карте, но все же он существует и живет своей размеренной жизнью. Живет всего-то 8 дней, но зато каких дней, и — как живет!

Опускаются сумерки, но жизнь городка нашего еще бурлит. Начинается вечернее богослужение в походной церкви. Народ стекается к службе. Особенностью этой вечерни было совершенно невероятно в городском храме: очень многие молились сидя на траве, по мере сил, уже не думая о натруженных руках-ногах, а думая о чем-то более высоком и значимом. Достают и я свой молитвослов и помянник. Молюсь и за живых и за усопших, молюсь как могу, хотя устала сильно...

Р.Б. Елена

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Однажды мы с отцом Павлом, старым архимандритом и моим духовником, ехали электричкой в Москву. Батюшка, одетый в простые штаны и рубаху, с огромной седой бородой сидел напротив меня на скамейке, и молча глядел в окно. Даже в такой скромной стариковской одежде он выглядел совершенно царственно, и в нём легко угадывался человек значительный. Во всяком случае, моему воображению не составляло никакого труда мысленно дорисовать к его портрету митру и два креста с украшениями. Тогда вновь образованное Библейское общество только — только принялось печатать Евангелия, вот мы с батюшкой и собрались за книгами.

Наконец он оторвал взгляд от окна и произнёс: «Расскажу тебе, брат Сашка, историю об одном человеке. А началась она где-то ещё годах в шестидесятых. Одного юношу, жителя столицы, призвали в армию, и заслали аж на Северный флот». Во флоте тогда служили долго, сам отец Павел в пятидесятые годы вообще провёл в армии пять лет. Не то, что сегодня, один год — это что, срок? Не успел акклиматизироваться, а уж пора домой собираться.

Батюшка продолжал: «Человек он был надёжный, порядочный, одним словом, советский, и служил, понятное дело, на совесть. Вот однажды уже году на третьем, увидел он, как высоко в небе играет северное сияние. Сам я его никогда не видел, но все, кто рассказывает об этом необыкновенном явлении, говорят, что это очень красивое завораживающее зрелище».

Поразило оно, как рассказывал батюшка, и молодого моряка, ещё и тем, что среди множества ярких вспышек света и плавных цветовых переливов он отчётливо разглядел изображение храма. Причём храм не просто угадывался в неких гипотетических контурах, а был виден в конкретных очертаниях, с характерными луковицами на куполах, украшенных золотыми православными крестами. Молодой человек успел рассмотреть стены храма, и даже какие окна украшают эти самые стены.

Даже будучи человеком неверующим, он понял, что ему было явлено знамение. Вот только, что оно означало, понять не мог. В нашей жизни нередко так бывает, например, проснёшься и чувствуешь, что показано было что-то такое очень для тебя важное, но что бы оно могло означать, не понимаешь. Помню, подходит ко мне один

наш прихожанин, как раз у его друга погиб пятилетний сыночек, и говорит:

— Батюшка, я ведь не раз видел во сне, что лежит мой крестник на смертном одре, а ты его отпеваешь, но предпринять ничего не предпринял, чтобы предотвратить эту беду.

Потому и чувствовал себя человек виноватым, словно и на самом деле мог предотвратить грядущие события. А как их предотвратить? Ведь не знаешь же ни дня, ни часа, а потом, сам сон может быть неправдой, чего же себя винить-то. Одно только нам и возможно, молиться о наших близких, и полагаться на волю Божию.

Так и морячок этот думал-думал, чтобы могло означать явление храма, но так ничего и не надумал, а потом и вовсе о нём забыл.

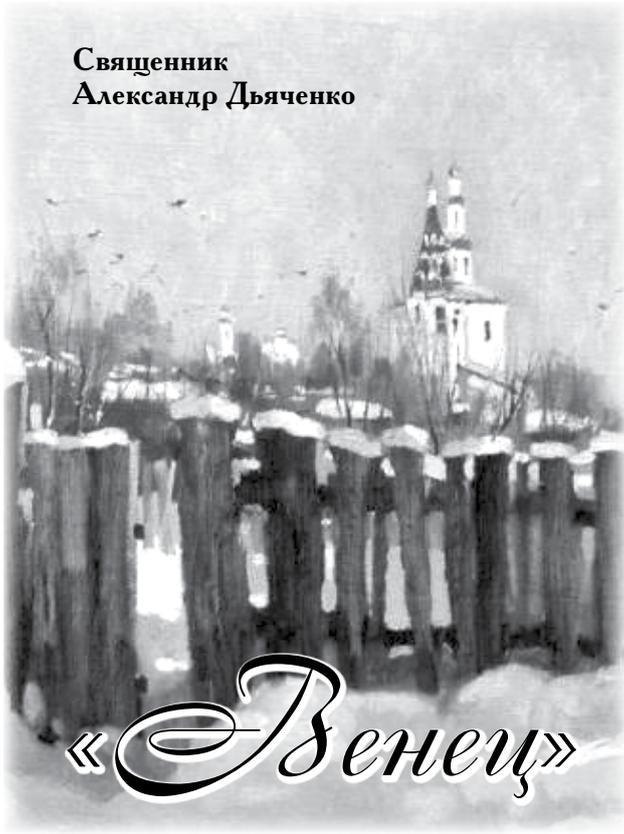
Пришло время ему увольняться в запас, вернулся он в Москву и стал работать в тогдашней ГАИ. Пошёл заочно учиться на юридический факультет университета. Жениться почему-то не стал, хотя и жильё у него было своё, и внешностью располагал подходящей.

Прошло несколько лет, и проезжал как-то наш морячок мимо Елоховского собора, сто раз он мимо него раньше ездил, а вот увидел только тогда. Пригляделся, так вот же он, тот самый его храм из полярного сияния. Что же, значит, на самом крайнем севере в световых сполохах высоко на небе был явлен ему храм, знакомый с самого детства, только в тот момент он его не узнал.

Бывает такое, мне вон во сне перед крещением, а крестился я уже взрослым человеком, был показан храм, в котором я не только потом крестился, но и диаконом стал, и даже священником. Точно так же, множество раз проходил я мимо него и не узнавал храм из своего сна, пока в последний вечер священнического сорокоуста, спеша на электричку, не вышел из храма и не повернулся, чтобы перекрестившись уйти, вдруг неожиданно вспомнил свой сон из прошлого, и храм, увиденный мною во сне.

Так совершенно случайно и этот человек узнал храм из своего видения. Он вышел из автобуса и пошёл в церковь, зашёл и остался там навсегда. Не сразу, конечно, сперва он просто приходил на богослужения, постигая новую для него духовную премудрость. Потом стал оставаться, помогая наводить порядок после служб. Спустя какое-то время его заметили, начали поручать какие-то дела, а со временем пригласили в алтарь.

Священник
Александр Дьяченко

В Елоховском соборе служил патриарх, потому и в алтаре помогать должны были люди проверенные, за которых можно было бы ручаться. Так незаметно для себя бывший моряк стал ещё и бывшим гаишником. Теперь во время службы он подавал кадило, выходил с рипидой или жезлом, следил за состоянием облачений и наводил порядок в алтаре.

Тогда нашим патриархом стал святейший Пимен. Общась со святителем, и желая ему во всём подражать, теперь уже алтарник собора сам захотел стать монахом, благо, что до того дня он так и не женился. Улучив подходящий момент, он подошёл к святейшему и, поведав ему о своей мечте стать монахом, стал просить патриарха постричь его в монашество с именем Питирим.

Тогда, в годы гонений, наша церковь была маленькой, и алтарник мог вот так, запросто, по-семейному, обратиться к самому патриарху с просьбой постричь его в ангельский образ. Это было прекрасное время, общась с отцом Павлом, я интересовался у него, а не встречал ли он тогда того или иного известного нам по книжкам подвижника, или исповедника веры, и почти всегда слышал в ответ: — Ну, как же, я его помню, он приезжал к нам в Лавру, или: — Да, однажды мы пересекались с ним на службе в Елоховском соборе. Все они друг друга знали, вместе молились и дружили.

Если человек решит стать монахом, значит перед ним обязательно встанет и вопрос о духовном подвиге. Мы читаем о подвижниках древних веков, об их необыкновенных способностях подолгу не принимать пищи, питаюсь просфорами раз в неделю, не спать, сутками простаивая на молитве, и ещё множество самых невероятных подвигов, выводящих человека за пределы его возможностей.

Такой же вопрос встал и перед новопостриженным отцом Питиримом. Долго он ломал голову о том, на какой подвиг решиться, читал жития преподобных и пришёл к выводу, что ни один из известных ему аскетических подвигов древних подвижников ему не под силу. Тогда он вновь обратился к патриарху, которого избрал своим духовным отцом, за советом и благословением. И святейший, выслушав алтарника, посоветовал: — Современный человек уже не в состоянии подражать древним отцам. Хотя, может, тебе этого и не нужно, делай то, чего миру так не хватает сегодня, прояви любовь, помогай людям.

После того разговора отец Питирим и решил помогать одиноким забытым старикам. Сегодня он наверняка бы пытался спасать бомжей, брошенных никому не нужных детей. Но тогда бомжей у нас не было, и дети находились под присмотром, а вот одиночество — бич всех времён без исключения. Монах перевозил в свой дом немощных старчиков и ухаживал за ними до самой их смерти. Потом сам обмывал и хоронил их. Кто-то жил у него несколько месяцев, кто-то оставался на годы. Отец Питирим не искал ни у кого благодарности, он честно делал то, ради чего стал монахом и просто христианином.

И вот однажды взялся он ухаживать за одним стариком. Тот жил недалеко от дома, где была квартира и отца Питирима, поэтому не было нужды перевозить его к себе. Монах каждый день приходил к тому домой, готовил еду, мыл в ванной, стриг волосы и ногти. Спустя какое-то время оказалось, что этот самый старик на самом деле

человек известный и имеет большие заслуги перед советским государством, но, как это нередко бывает, позабыт и обойдён вниманием.

Отец Питирим стал стучаться в двери высоких кабинетов, рассказывать о незаслуженно забытом герое, о его одинокой старости в маленькой тесной однушке. Не знаю, чего бы он добился сегодня, но тогда государство определило старику персональную пенсию и выделило ему большую квартиру в новом доме. Поскольку отец монах добросовестно ухаживал за своим подопечным, то и вид его изменился, он посвежел и к нему вернулось желание жить, а здесь ещё и такое внимание со стороны властей. Вот тут, откуда не возьмись, и появилась «невеста». Короче, отказался новоявленный «жених» от услуг добровольного помощника, и, несмотря на все его убедительные речи, решил-таки жениться, и в сердцах прогнал от себя монаха.

На этой мажорной ноте и закончить бы историю монаха Питирима, но не прошло и нескольких месяцев, как гонец от «счастливого молодожёна» постучался в двери к алтарнику. А тот, словно в воду глядел, случилось то, о чём он предупреждал, новоявленные родственники, став хозяевами в новой квартире, просто выгнали ветерана из его дома, и вот он фактически став бомжем, вернулся в свою старую комнату, ключи от которой к счастью всё ещё оставались у него. «Теперь просит тебя вернуться, — передаёт на словах гонец, — и вновь ухаживать за ним».

Только ведь и монаха можно обидеть, сколько сил положил он на то, чтобы помочь человеку, квартиру, пенсию тому достойную выбил, а в ответ такая неблагодарность, с другой стороны, каким бы он ни был этот старик, а всё же таки человек, Божия тварь. Жалко бросать.

Прежде чем принять окончательное решение отец Питирим и решил посоветоваться с людьми духовными. Сперва пошёл он к самому патриарху, как, мол, ваше святейшество, поступить мне с моим неразумным подопечным? Тот подумал и отвечает:

«Смотрю, не лежит у тебя больше сердце к этому человеку. Знаешь что, отче, оформляй ка ты документы и сдавай этого старого большевика в дом для престарелых. Видать, теперь это единственное для него подходящее место».

Подумал отец Питирим над словами святейшего и понял, что окончательный выбор решения тот всё одно оставил за ним. Ладно, думает, съезжу я в Лавру и посоветуюсь с отцом N, уже тогда известным всей Церкви старцем. Тот внимательно выслушал отца монаха и повторил слова патриарха:

«Вот как святейший благословил, так ты и поступай, а я ничего от себя советовать не дерзаю. Тебе решать».

«А я, — продолжает отец Павел, — как раз в тот день был в монастыре, не помню уже, за чем-то мне нужно было туда съездить. Вот мы с отцом Питиримом на выходе из Лавры нос с носом и столкнулись, а знакомы мы были уже давно. Я ведь у святейшего тогда на даче служил, в Переделкино, в Елоховском мы постоянно пересекались.

— Что такой грустный? — спрашиваю — от Преподобного и грустный? Непорядок получается.

А тот мне свою историю рассказал и тоже спрашивает, как посоветуешь, что мне делать, отец?

Я ему и отвечаю:

— Конечно, сдать в дом для престарелых можно,

но только, вишь как получается, венец-то ты тогда потеряешь. И все труды твои насмарку, обещание-то ты Самому Христу давал, Ему от него тебя и освободят.

И ты знаешь, мне даже показалось, что повеселел человек, во всяком случае, улыбаться начал. Потом вернулся в Москву и забрал своего большевика к себе домой. Снова принялся о нём заботиться, а тот возьми, и через неделю и умри. Вот ведь как Господь распорядился. Важно Ему было, как решит отец Пителирим свой вопрос, обидится на старика, или простит, станет за ним вновь приглядывать, или прогонит. Вишь ты, венец-то, оказывается, даётся даже не столько за труды, сколько за любовь. Преодолеть себя, возлюбив ближнего, а через любовь к человеку возлюбить и Самого Христа». Потом поднял вверх указательный палец правой руки и торжественно подвёл итог всей истории: «Вот и смекай, брат Сашка, это тебе почище любой математики будет, такие дела».

Рассказал мне батюшка эту историю и вновь принялся

смотреть в окно, мы продолжали ехать молча. Только уже перед самой столицей я задал отцу Павлу вопрос:

— Батюшка, а какова дальнейшая судьба отца Пителирима, он так и продолжает за болящими ухаживать?

— Ты знаешь, как похоронил он того большевика, вскорости и сам болеть начал. К врачам обращаться не стал, мол, на всё Божия воля, как Он решит в отношении своего монаха, так оно и будет. Прошло, наверно времени с год, поболел сердешный и скончался. Царство ему Небесное, — пожелал отец Павел и перекрестился. Да и чего ему тут делать-то на земле? Течение своё он совершил, веру сохранил и преумножил, а главное венец стяжал. Плод созрел, и нечего ему тут пылиться. Это нам, нерадивым ещё придётся землю топтать, ради венца-то».

— Ладно, вот мы уже и приехали. Давай, веди, показывай, где тут у них Евангелия дают. И не дожидаясь подсказок, размеренным по-крестьянски степенным шагом стал спускаться передо мною в метро.

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Священник Георгий Старостин
Екатерина Старостина

Сказка про слово

ВЕСТНИЧЕК

деревне муж да жена, Иван да Марья. Жили ладно да складно, скуки не знали, любили друг друга. Но, как и все люди ссорились, конечно. Вот так все и случилось: собрался как-то раз Иван на ярмарку — на людей посмотреть, себя показать, да кой-какой товар продать. И как уходит ему, слово за слово, не припомнить из-за чего, завязалась у них ссора, да такая, что на прощанье сказал Иван Марье:

— Вот уеду от тебя и вовсе не вернусь. Будешь слезы без меня лить. — Сказал, да и дверью хлопнул.

Уселся на воз, поехал. Вокруг красота, солнышко теплое, ветерок веселый, цветы цветут — загляденье. А он и не смотрит по сторонам — бурлит в нем гнев-обида, едет, жену ругает. Так ругаячи и доехал до города большого, где ярмарка была. Все задуманное прошло у него как по маслу, товар разобрал, денег порядком заработал. От радости вся обида

куда подевалась! Пошел жене подарки покупать. А как стал выбирать, вспоминает любимую, да так и хочется ему обнять ее да к себе прижать. И ничего ему уж не любо, не весело, лишь бы домой поскорее вернуться.

Тронулся Иван в обратный путь, да застала его ночь в поле.

Остановился он, костерок разжег, похлебку варит, Марью вспоминает. Не заметил, как прикорнул. Только вдруг слышит, идет кто-то. Глядь — старичок-путник, худенький, сгорбленный, седенький — идет, посохом постукивает. Приветил его Иван ласковым словом, к огоньку пригласил погреться, отужинать чем Бог послал. Присел старичок. Вроде обыкновенный — много таких бродит по свету, а как в глаза Ивану глянет — так того дрожь пробирает, будто знает старик все дела его, точно насквозь видит.

Не по себе стало мужичку, сторонится глядеть на старика, ан нет, как магнит тянет. Долго ли просидели они, стал костерок затухать, да небо светлеть. Поднялся наш Иван и говорит:

— Ну, мил человек, суждено нам здесь расстаться-распрощаться — мне домой надобно, а тебя тоже

видать дела ждут. — Тут ты прав и не прав, — ответил старичок, — дела меня ждут, и не мало. А вот, что распрощаться нам придется — это ты не прав.

Удивился Иван, да виду не показал: — Ну что ж, коли нам по пути, полезай на воз — подвезу.

Уселись и поехали; беспокойно на душе у Ивана — странный попутчик — темнит что-то.

Едут они едут, уж давно бы приехать пора, а родной деревни всё нет да нет. Остановился Иван, чешет голову да говорит сам себе:

— Вроде бы дорога прямая, а не туда ведет — неужто с пути сбился? Чудно как-то. Надо бы поторопиться — Марьюшка дома волнуется.

Тронулся опять. Старичок дремлет, как будто и нет его. Вечереет, а дома не видать — всё места незнакомые.

Долго ли, коротко ли, наехал Иван на ветхую хижину, а вокруг нее голое поле непаханное, сплошь усеянное большими валунами. Затормозил Иван, с возу спрыгнул, огляделся. Место совсем незнакомое.

— Да когда ж я до дому доберусь, — совсем рассердился он.

— А ты дома уже, — сказал вдруг старичок, слезая вслед за мужиком с воза.

Иван даже дар речи потерял, только рот открыл да на старика смотрит.

А тот семенит к хибаре, дверь ногой подтолкнул, та и упала, только столб пыли взметнула.

— Вот дом твой.

Качает Иван головой:

— Нет, не мой.

— Был не твой — стал твой — не на улице же тебе спать. Помнишь, уезжая, ты жене сказал: «домой не вернусь — будешь плакать горячими слезами». Так вот, я — Слово. Хожу по земле и смотрю, чтобы всё, что люди говорят — исполнялось. А то, знаешь ли, сколько пустомель развелось — тараторят-пустомелят почему зря. Вот я таких наказываю. Жена твоя теперь плачет каждый день, а ты домой не ворешься.

Понял тут Иван, в какую беду попал, упал старику в ноги и давай реветь:

— Помилуй, батюшка Слово, не губи ты нас, прости, что слова беспечно на ветер бросали — вперед не будем.

Постоял старик, подумал, да и отвечает:

— Ладно, уж, прощу тебя — знаю, что любите вы

друг друга, мирно живёте, но чтоб и ей и тебе наука была — будешь трудиться на меня год. И при этом учти — ни одного пустого слова не должен говорить — слово день прибавляет, а потом отпущу тебя.

Обрадовался мужик:

— Говори, старичок, что делать.

Видишь поле — на следующий год тут должна пшеница расти; видишь хижину — через год добротный дом возведи. А пока прощай, да помни мой наказ. Молвил так старичок и исчез. А Иван, время даром не теряя, принялся за дело. Хорошо работа идет — мужичкие руки дело свое знают. Валуны катает — пот утирает, деревья рубит — стариков наказ поминает. Мало-помалу минул год.

Вернулся старичок, выходит к нему Иван:

— Принимай, дедушка, работу.

Огляделся старик, смотрит — дом стоит справный, красивый да надежный, рядом поле, а на нем золотыми волнами пшеница качается. — Ну, Иван, — улыбнулся старик, — молодец — и с работой справился, и слова понапрасну не сказал. Ну что ж, и награда будет подобающая. Сказал так, да и хлопнул в ладоши. Тут у Ивана в глазах потемнело, голова закружилась, почудилось ему, что падает он куда-то. Очнулся — глядь, лежит он в поле, над

ним небо звёздное, рядом его воз стоит, а сам он около костерка лежит. Поднялся Иван, и думает: — Неужто привиделось мне всё это?

Забеспокоился он, не стал утра дожидаться, поехал домой. И вот, как светать стало, привела его дорога в родную деревню. Вот и хата его, хоть и старенькая, но дорогая сердцу. И оконце горит — значит, ждет его жenuшка.

Слез Иван с воза, шагу не успел ступить, бежит ему навстречу его Марьюшка — глаза заплаканные, но счастливые. Бросается на шею мужу, а слезы так и капают.

— Ох, прости меня, друг сердечный, что понапрасну тебя рассердила да заставила тебя слово пустое молвить. Весь год я, тебя ждавши, проплакала.

Понял Иван тогда, что не привиделся ему старичок. Повинился и он перед женой.

А как повернулись они к дому, то так и застыли от изумления: вместо их избушки стоит дом добротный, а за изгородью поле пшеничное колосится.

С тех пор стали Иван да Марья лучше прежнего жить, а ссориться да слова пустые говорить опасались.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА

Театральный фестиваль «ЖАР-ПТИЦА»

Подведены итоги епархиального театрального фестиваля «Жар-птица». Детско-юношеский театр «Благовест» Александрo-Невского собора награжден Дипломом II степени за сценическое прочтение жития святого равноапостольного князя Владимира. Поздравляем руководителя творческого коллектива Анатолия Александровича Бейшемканова и всех актеров нашего театра с замечательным выступлением и желаем дальнейших творческих успехов!

В этом году творческие работы посвящены великим русским святым основоположникам Святой Руси: равноапостольному князю Владимиру и преподобному Сергию Радонежскому. Восемь театральных коллективов представили на суд зрителей свои работы. Всеобщее внимание зрителей привлекли спектакли «Сергий Радонежский» театральной студии «Подросток» (режиссер — Анисимова Е.П.) и «Сказание о Великом князе Владимире» православного детско-юношеского театра «Благовест» Воскресной школы при Александрo-Невском соборе (режиссер — Бейшемканов А.А.).

Спектакли — разные. Нежные, лиричные мелодии, образы юных, светлых девушек-березок — зовут зрителя сочувствовать событиям, разворачивающимся на сцене. Это работа Елены Анисимовой. Камерный, лиричный тон спектакля прерывается в сцене битвы русских воинов с захватчиками, в сцене искушения...

Совсем иная по духу спектакля и даже тону музыкального оформления — работа Анатолия Александровича Бейшемканова. Белый стих, напоминающий слог трагедий Шекспира (в основе постановки — литературное творчество самого режиссера), дополнен ритмами грозной музыки. Всё будто напоминает нам, что времена-то были для Руси сложные. Сцены боёв соседствуют с искренними монологами героев, оказавших влияние на судьбоносное решение князя Владимира. Примечательно, что в спектакле театра «Благовест» все роли — главные: нет второстепенных. «Актёры, — по словам режиссера Анатолия Александровича, — задей-

ствованы на все 100 процентов. Некоторые даже играют по несколько ролей».

Яркому, потрясающему показу предшествовала долгая и кропотливая подготовительная работа.

Театральная студия «Благовест» отличилась на фестивале большим количеством декораций, реквизита, костюмов. Активное участие в художественном оформлении спектакля приняли прихожане: Евгения Басманова, Дарья Семакова, Евгения Семакова, Елена Пушкарёва, Ирина Малютина, Алексей Савушкин, Антон Петров. Надо заметить, что спектакль состоялся при активнейшей поддержке молодежного объединения АКМОО «Невские».

Многочасовые, едва ли не каждодневные репетиции, тщательная работа в оформлении спектакля позволили театральному коллективу поверить в свои силы и пригласить

на предварительный показ зав. кафедрой театральной режиссуры и актерского мастерства АГАКИ, профессора, Е.Ф. Шангину. После спектакля Елена Фёдоровна отметила профессиональную работу режиссера и актерского состава. Особенно ей понравилось искренность Натальи Петровой, Антона Петрова, Валерии Малютиной, Николая и Анастасии Потаниных.

По словам юных актеров, силы преодолеть сопутствующие трудности в работе над спектаклем давала мысль, что спектакль был создан при благословении и в память недавно почившего горячо любимого настоятеля нашего храма отца Александра Войтовича.

Ирина Малютина
Фото Н. Кимайкиной

«С любовью к имени святого»

Своими впечатлениями после просмотра спектакля «Сказание о князе Владимире» поделилась зав. кафедрой театральной режиссуры и актерского мастерства АГАКИ, заслуженный работник культуры, кандидат искусствоведения, профессор, **Шангина Елена Федоровна**:

Режиссера детско-юношеского театра «Благовест» Анатолия Александровича Бейшемканова, без сомнения, есть и актерские и режиссерские способности. И главное, они ни на кого не похожи — в этом его преимущество. Анатолий Александрович работал и в профессиональном театре, владеет основами сценического движения, что прослеживается и в поставленных в спектакле сценах боев. Он один из первых, кто организовал в Барнауле при Воскресной школе такой театр. Я знаю, что он с большим трепетом и уважением относится ко всему, что касается Православной веры. Анатолий Александрович все силы отдает театру, и хотя постановки православных спектаклей не приносят больших доходов, театр не бросает. Режиссер свою любовь, увлеченность театральным делом передает и театральному коллективу. Все его спектакли, а я видела большинство его спектаклей, оказывают большое эмоциональное воздействие. Немаловажно, что режиссер, работая над спектаклями с религиозной тематикой, не уходит в мирскую сторону, а это достаточно сложно — не уклониться в сторону. И надо понимать, что для таких спектаклей нет драматургии. Я знаю, что Анатолий Александрович сам пишет сценарии для своих спектаклей, безусловно в сюжете опираясь на канонические тексты. И язык его произведений, на мой взгляд, — это хороший, качественный

литературный язык. (Мне его белый стих напоминает слог произведений Шекспира).

Ученики театральной школы им. Гончарова при Академии культуры (15 человек) после просмотра спектакля поделились своими впечатлениями. Всем без исключения понравилось активное действие. Ребята заметили, что все актеры работали с большой отдачей, были эмоционально погружены в тему спектакля.

Кстати, трудно выделить кого-то из актеров, потому что все дети способные и видно было, что все старались максимально донести образ своего героя, его, отличный от других, характер. Я считаю, что и в этом видна большая режиссерская работа: так вовлечь детей в спектакль, так суметь все организовать на сцене — это многого стоит. Отсюда — от «зараженности» участниками событиями времен князя Владимира, о которых они говорят, и особая, добрая, мощная энергетика спектакля. Видно, что постановка создана с большой любовью к имени святого. Выходишь из зала, и хочется больше узнать о князе, почитать о нем книги.

И мне, как профессионалу, понятно, ради чего, зачем, поставлен спектакль — его идея.

Также я хочу сказать, что речь актеров здесь — хорошая, настоящая, сценическая речь: яркая, внятная. Каждому удалось донести образ своего героя. Ощущается русский дух и патриотизм русского народа, эпоха, в которой происходит действие. Все это смогли донести и режиссер и актерский состав.

«Во славу Божию и на благо людям...»

Хочется написать несколько добрых слов о спектакле «Сказание о Великом князе Владимире». Эта постановка основана на русской истории и талантливо разбавлена художественным воображением режиссера и актеров. Хочется отметить хорошо отработанные участниками спектакля постановочные битвы, битву-как динамичное и захватывающее начало спектакля, интересный сюжет и «цельность» всего представленного действия. Удивительно, что такой эффектный спектакль создавался силами немногих людей, к тому же, не имеющих актерского опыта. Реквизит и декорации спектакля создавались также силами участников театральной студии и просто неравнодушными людьми. Небольшое число актеров и их занятость, а ведь репетиции проходили по вечерам, после окончания учебы и работы, не помешали создать спектакль, в котором каждый персонаж яркий и выразительный.

На мой взгляд, все постановки, созданные православным театром «Благовест», выглядят достойно и профессионально. Я желаю театральной студии долгой и плодотворной творческой жизни, помощи Божией

во всех начинаниях, и хотелось бы, чтобы и кто не участвуют в спектаклях, не оставались равнодушными, а по-возможности, вносили посильную помощь, столь необходимую театру. Ведь православные спектакли просто необходимы в миссионерском и социальном служении и уже не раз показывались на разных площадках: и в школах, и в детских домах, и в детских больницах. Думается, что это приносит большую радость и пользу, как зрителям, так и самим актерам. Всему Православному театру желаю никогда не забывать об ответственности за те слова, которые звучат со сцены, чтобы они были во Славу Божию и на пользу людям.

Евгения Басманова,
слушательница Воскресной школы

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Труд Франкла о логотерапии «Врачевание души» был распродан за три дня, а книга о концлагере «Человек в поисках смысла» был издан суммарным тиражом почти в 10 млн экземпляров и вошла в десятку книг, оказавших самое большое влияние на американцев (на жителей других стран, безусловно, тоже, но опрос проводила библиотека Конгресса США). До него психотерапевты в качестве основных принципов жизни называли стремление к удовольствию или власти — таких реальных, осязаемых, притягательных. А тут — какой-то эфемерный смысл...

В середине XX века утверждение поиска смысла как главной мотивации человеческой жизни явилось сенсацией. Сегодня, в эпоху популярного психологического чтива, это, мягко говоря, не ново. Мы научились защищаться от боли (а лучше — отмахиваться от чужой) шаблонными мудростями: «Любой новый опыт полезен», «Необходимо принимать брошенные судьбой

вызовы», «По крайней мере, это сделает тебя сильнее», «Спрашивай не «почему?», а «зачем?»...»

Называю эти фразы шаблонными не ради умаления их мудрости. Она — есть, она глубока и сомнению не подлежит. Но, будучи превращенной в назидательный слоган — не работает. Смысл способен исцелять лишь тогда, когда он выстрадан, рожден в муках, когда найден в ходе упорных поисков.

Повторить путь поисков Франкла — не приведи Господь. Из таких мест мало кто возвращается живым, а тем более обогащенным. Свою логотерапию (от греческого слова «логос» — в значении «смысл») психиатр из венского гетто вынашивал и создавал в нацистских концлагерях. Он знал о смысле страдания больше, чем кто бы то ни было. В его устах назидательная истина переставала быть таковой и становилась путеводной нитью для пациента.

ДОКТОР ФРАНКЛ И СМЫСЛ СТРАДАНИЯ

Виктор ФРАНКЛ (1905-1997) — австрийский психиатр, психолог и невролог, бывший узник нацистского концентрационного лагеря.

Взгляд в прошлое

Он лечил людей не лекарствами и не гипнозом, а смыслом. Его пациенты учились находить смысл в любом, самом неприглядном и мучительном существовании — в болезни, в страдании, в самой смерти. «Врач, — пишет Франкл, — ... всегда будет испытывать что-то подобное стыду, находясь у постели неизлечимо больного, ибо ...он не в состоянии вырвать эту жертву из тисков смерти. Больной же становится героем, смело встречающим свою судьбу; он не сдаётся, ибо принимает свою участь с тихим страданием. Таким образом, последние моменты его жизни становятся истинным достижением в метафизической области».

Он часто сравнивал жизнь с отрывным календарем. Пессимист отрывает листочки и выбрасывает со скорбью. Оптимист бережно складывает в стопочку, делая на них дневниковые заметки. Работая в качестве психотерапевта со смертельно больным человеком, Франкл просил его оглянуться назад и вспомнить все хорошее, что было в жизни.

Неужто это не имело смысла, неужто исчезнет бесследно?

Нет, — соглашался пациент, — так быть не может.

Кто-нибудь может сделать небывшим, например, счастье, которое вы испытали? Или добро, с которым вы встречались в жизни? То, чего вы добились, что осуществили?...

Никто не может зачеркнуть это!

Или то, что вы мужественно и честно перестрадали? Может кто-нибудь устранить это из вашего прошлого?

Таковыми нехитрыми вопросами он подводил человека к изменению точки зрения на болезнь и приближающийся конец, на прошедшую жизнь, которая вдруг стала казаться тому лишённой смысла.

«Логотерапевт в самом безнадежном случае, — говорил Франкл, — не отказывает пациенту в праве на утешение».

За это стремление его критиковали. Утешение не входит в задачи психотерапии. Но человек, который занимался групповой терапией в бараке Освенцима, знал, что делал.

... И вера в будущее

В 1941 году Виктор Франкл совершил невероятный и, казалось бы, совершенно бессмысленный поступок. На протяжении долгих месяцев он пытался получить американскую визу, чтобы бежать из нацистской Австрии. А когда, наконец, получил, понял, что не может бросить стариков-родителей, которых ждал концлагерь. Франкл знал, что ничем не в силах помочь, но — остался. Скоро вся семья оказалась в лагере. Вернулся только Виктор.

В концлагерях Франкл пытается смотреть на собственные переживания отстраненно — как психолог.

Шок, апатия — вот стадии, через которые проходили узники. И, конечно, он и там оставаясь врачом, пытался нащупать и тут же применять на практике методы психологической помощи. То, что ему удалось выработать в лагере, применимо для любой критической ситуации, в которой может оказаться человек — будь то тяжелая болезнь, утрата близких, потеря чего-то очень важного в жизни.

Вот пример из довоенной жизни Франкла (Я намеренно привожу его — как менее хрестоматийный. Книгу о лагерном опыте Виктора Франкла — «Человек в поисках смысла» — не поленились, кто не читал, прочитайте целиком. Она невелика и невероятна, в ней почти нет ужасов, зато очень много жизни, силы и веры. Доктор надиктовал ее всего за девять дней).

В конце 1920-х годов Франкл — студент медицинского отделения Венского университета — переживал серьезный личностный и профессиональный кризис. В то время на психотерапевтическом небосклоне сверкали две ярчайшие звезды — Зигмунд Фрейд и Альфред Адлер, основатели двух венских школ психотерапии. Попытки Франкла примкнуть и к одной, и ко второй — оставили после себя лишь горькое разочарование, временную утрату веры (он рос в семье правоверных иудеев, а после лагеря стал экуменистом) и вообще жизненных ориентиров. На брошенный жизнью вызов пустоты и бесцельности он отвечает тем, что с головой окунается в общественную и благотворительную деятельность. Организовал сеть бесплатных психологических консультаций для молодежи (в Вене тогда бушевала эпидемия самоубийств выпускников гимназий), поддерживал молодых безработных, много выступал, говорил о смысле жизни, читал лекции в «народной школе». Он не мог знать, какой смысл имеет вся эта работа. Как мог студент помыслить, что очень скоро станет основателем третьей венской школы психотерапии (так называют логотерапию), наряду с легендарными старшими коллегами?! Между тем, первые наброски будущей методики он сделал именно тогда, в конце 1920-х, готовя беседы и лекции. Кстати, после университета Франкл семь лет будет работать с несостоявшимися самоубийцами в кризисном стационаре, где пригодится и опыт молодежных консультаций.

Своих соседей по баракам Освенцима он «лечил» тем, что помогал им думать о будущем. У узников оно было не просто туманно и непредсказуемо. Его — не было у обитателей Освенцима, как не было вообще ничего, в буквальном смысле слова. Но без мыслей о завтра нельзя. «Заклученный, который потерял веру в будущее — свое будущее — обречен. С потерей веры он теряет также и духовную стойкость; он позволяет себе опуститься и стать объектом душевного и физического разложения... Тому, кто больше не видел ни смысла своей жизни, ни цели, ни стремлений, ... незачем было переносить ее тяжесть. Он скоро погибал», — пишет Франкл.

Трагический оптимизм

Во времена он выработает концепцию, которую назовет «трагическим оптимизмом». Жизнь в критических, тяжелейших обстоятельствах становится чередой вызовов, которые надо ежечасно и ежеминут-

но принимать, вопросов, на которые надо отвечать, так находя свой смысл и всякий раз — свое маленькое будущее. Здесь речь не о смысле жизни вообще — раздумья на эту глобальную тему могут завести в тупик и в буквальном смысле погубить — а о решении конкретных задач, уникальных для каждого. В каждую минуту жизнь открывает человеку множество разных возможностей, главное — не упустить их и делать правильный выбор, беря за него ответственность. Тогда — как бы ни были тяжелы обстоятельства — жизнь не может казаться бессмысленной.

Есть шанс погибнуть завтра в газовой камере, есть шанс избежать ее; твоя задача: делать все, чтобы, по крайней мере, не снижать своих шансов на жизнь — вот суть такого подхода к жизни.

Конечно, случались моменты, и не раз, когда Франкл был близок к крайнему отчаянию, после которого — гибель. Он умудрился протащить с собой в лагерь рукопись книги о логотерапии, а после утратил ее — то ли в санпропускнике, то ли в тифозном бараке. Спустя некоторое время собрался с силами — и начал работу заново, найдя где-то огрызок карандаша и подбирая клочки бумаги. Переплавленные в адской лагерной топке концепции будущей теории обрели иное содержание и смысл.

Смысл страдания

Но что может придать смысл жизни в аду?

Созидательный труд — как показывает пример доктора Франкла.

Любовь: в самые тяжелые моменты, на грани жизни и смерти, он вспоминал о жене и мысленно разговаривал с ней.

Природа и искусство: «В лагере человек мог привлечь внимание товарища к прекрасному зрелищу заката, когда солнце просвечивает сквозь высокие деревья баварских лесов (как на знаменитой акварели Дюрера) — именно в этих лесах мы строили огромный подземный военный завод».

Но главное, что смысл есть и в самом страдании, и в смерти.

Если верить, что они имеют смысл, который нам не дано постичь, можно выдержать все.

Смысл — наверху

Для верующего логотерапия открывалась во всей полноте.

— Разве не возможно, что Бог хочет увидеть, как Анастасия будет переносить страдание? И может быть, Он должен будет признать: «Да, она была очень мужественна», — говорил Франкл больной раком женщине, и та исцелялась от депрессии.

Человеку, потерявшему в концлагере жену и шестерых детей, врач цитировал псалом, где сказано, что Бог видит все наши слезы. Тот сокрушался, что дети ушли как невинные мученики, а он сам никогда не станет достойным такой участи.

— Годы страданий смогут очистить вас от ваших грехов и вы присоединитесь к ним там, — возражал психотерапевт, и пациент уходил утешенным.

За открытую религиозную позицию Франкл под-

вергался критике от коллег. Не секрет, что одной из причин рождения психотерапии на стыке столетий явилась утрата человечеством веры в Бога — и психотерапевт, использующий религиозные категории, словно бы грешил против самой профессии.

В 1949 году он защитил докторскую диссертацию, посвященную связи психотерапии и религии, изданную в виде книги «Подсознательный Бог». При этом Виктор Франкл всегда подчеркивал, что логотерапия не была ни религиозной, ни нравственной проповедью, но за скобками в его текстах и записях консультаций всегда стоит Высший смысл (Сверхсмысл, как он называл его). В работе с людьми он не стремился выводить его из-за скобок раньше времени или навязывать неготовому принять такое «лекарство» пациенту.

Рассказывая о сущности логотерапии в нерелигиозной аудитории, Франкл приводил аналогию с лабораторной

обезьяной, у которой постоянно берут пункции для изготовления противополоимелитной сыворотки. Она не может знать, ради чего мучается. «Разве нельзя представить себе, что есть еще другое измерение, мир выше человеческого; мир, в котором вопрос об окончательном смысле человеческого страдания найдет ответ?»

Смысл, по Франклу, нельзя изобрести или придумать, его можно только отыскать, причем не внутри себя и даже не в пределах видимого мира. Упование на искусственные ценности (например, успех или даже счастье) и придуманный смысл он уподоблял лазанью по канату, подброшенной в воздух. Этот канат надежен лишь когда крепко привязан к чему-то очень прочному и сильному наверху. Гарантию, что он выдержит наше карабканье по нему, может дать только вера, только Бог. И тогда ничего не страшно.

Милосердие.ru

Смысла должен быть найден, но не может быть создан

Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдаёт себя делу, чем больше он отдаёт себя своему партнёру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания.

* * *

В калейдоскоп можно увидеть лишь сам калейдоскоп. Не справедливо ли вообще, что лишь то, что само по себе прозрачно, позволяет увидеть нечто большее, чем оно само? Лишь в той степени, в какой я сам отступаю на задний план, предаю забвению моё собственное существование, я приобретаю возможность увидеть нечто большее, чем я сам.

* * *

Если есть причина для счастья, счастье вытекает из неё автоматически и спонтанно. И поэтому

незачем стремиться к счастью, незачем о нем беспокоиться, если у нас есть основание для него. Более того, стремиться к нему нельзя. В той мере, в какой человек делает счастье предметом своих устремлений, он неизбежно делает его объектом своего внимания. Но тем самым он теряет из виду причины для счастья, и счастье ускользает.

* * *

Сегодня, в век общества избытка, большинство людей страдают не от избытка, а от недостатка требований. Общество потребления — это общество с пониженными требованиями, которое лишает людей напряжения. Люди, лишённые напряжения, склонны к тому, чтобы создавать его, и это может принимать либо здоровые, либо нездоровые формы.

* * *

Самолёт не перестаёт, конечно, быть самолётом, когда он движется по земле: он может и ему постоянно приходится двигаться по земле! Но лишь поднявшись в воздух, он доказывает, что он самолёт. Точно так же человек начинает вести себя как человек лишь когда он в состоянии преодолеть уровень психофизически-организмической данности и отнестись к самому себе, не обязательно противостоя самому себе.

Эта возможность и есть существование, а существовать — значит постоянно выходить за пределы самого себя.

* * *

Насколько соблазнительны популярные разговоры о самоосуществлении и самореализации человека! Как будто человек предназначен лишь для того, чтобы удовлетворять свои собственные потребности или же себя самого. Лишь в той мере, в какой мы забываем себя, отдаём себя, жертвуем себя миру, тем его задачам и требованиям, которыми пронизана наша жизнь, лишь в той мере, в какой нам есть дело до мира и предметов вне нас, а не только до нас самих и наших собственных потребностей, лишь в той мере, в какой мы выполняем задачи и требования, осуществляем смысл и реализуем ценности, мы осуществляем и реализуем также самих себя.

Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир...

Самоосуществление, реализацию возможностей нельзя представлять как самоцель, и только человеку, утратившему действительный

смысл своей жизни, осуществление себя видится не эффектом, а целью. Обращение же человека на самого себя, его рефлексия, является не только лишённой перспективы, но и просто неадекватной формой интенции. Лишь бумеранг, не попавший в цель, возвращается туда, откуда он был брошен, поскольку его изначальное предназначение — поразить добычу, а отнюдь не вернуться в руки бросившего его охотника.

* * *

Что же такое человек?.. Это существо, которое избрало газовые камеры, но это и существо, которое шло в эти газовые камеры с гордо поднятой головой и с молитвой на устах.

* * *

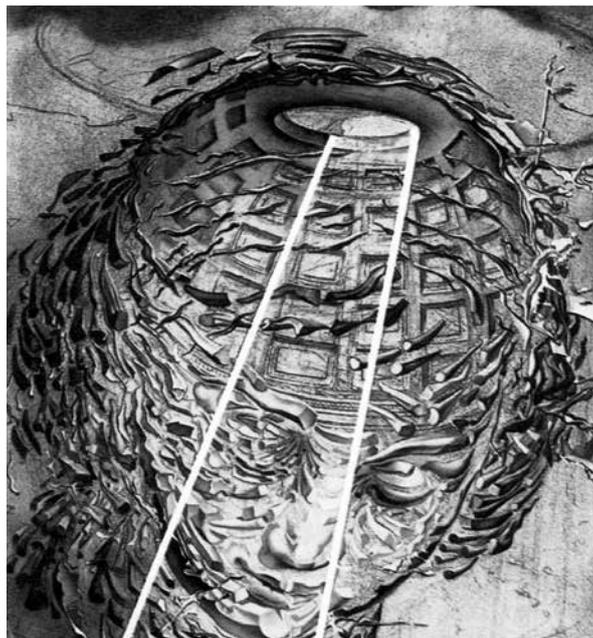
Абсолютно неправы те, кто утверждает, что любовь ослепляет. Наоборот, любовь даёт зрение, она как раз делает человека зрячим. Ведь ценность другого человека, которую она позволяет увидеть и подчеркнуть, ещё не является действительностью, а лишь простой возможностью: тем, чего ещё нет, но что находится лишь в становлении, что может стать и что должно стать... Любовь, и только любовь, в состоянии увидеть человека во всей неповторимости, как абсолютную индивидуальность, которой он является.

* * *

Обыкновенный человек, действительно справляющийся с конкретными задачами, которые ставит перед ним его положение в обществе и в семье, несмотря на свою «маленькую» жизнь, более велик, чем «великий» государственный деятель, который способен вершить судьбы миллионов росчерком пера, но чьи безнравственные решения могут нести в себе непоправимое зло... Ибо действительно значимым является отношение человека к судьбе, выпавшей на его долю. То, как он принимает тяготы жизни, как несёт свой крест, то мужество, которое он проявляет в страданиях, достоинство, которое он выказывает, будучи приговорён и обречён, — всё это является мерой того, насколько он состоялся как человек.

... Человек, утративший внутреннюю стойкость, быстро разрушается. Фраза, которой он отклоняет все попытки подбодрить его, типична: «Мне нечего больше ждать от жизни». Что тут скажешь? Как возразить?

Вся сложность в том, что вопрос о смысле жизни должен быть поставлен иначе. Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от

жизни, а в том, чего она ждет от нас. Говоря философски, тут необходим своего рода коперниканский переворот: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам — ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать — не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением. Ведь жить — в конечном счете значит нести ответственность за правильное выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа.

Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей и в разные мгновения жизни разные. Значит, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое — она конкретна, как и требования ее к нам в каждый момент тоже весьма

конкретны. Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима. Ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация не повторяется — каждая призывает человека к иному образу действий. Конкретная ситуация требует от него то действовать и пытаться активно формировать свою судьбу, то воспользоваться шансом реализовать в переживании (например, наслаждении) ценностные возможности, то просто принять свою судьбу. И каждая ситуация остается единственной, уникальной и в этой своей уникальности допускает один ответ на вопрос — правильный. И коль скоро судьба возложила на человека страдания, он должен увидеть в этих страданиях, в способности перенести их свою неповторимую задачу. Он должен осознать уникальность своего страдания — ведь во всей Вселенной нет ничего подобного; никто не может лишиться его этих страданий, никто не может испытать их

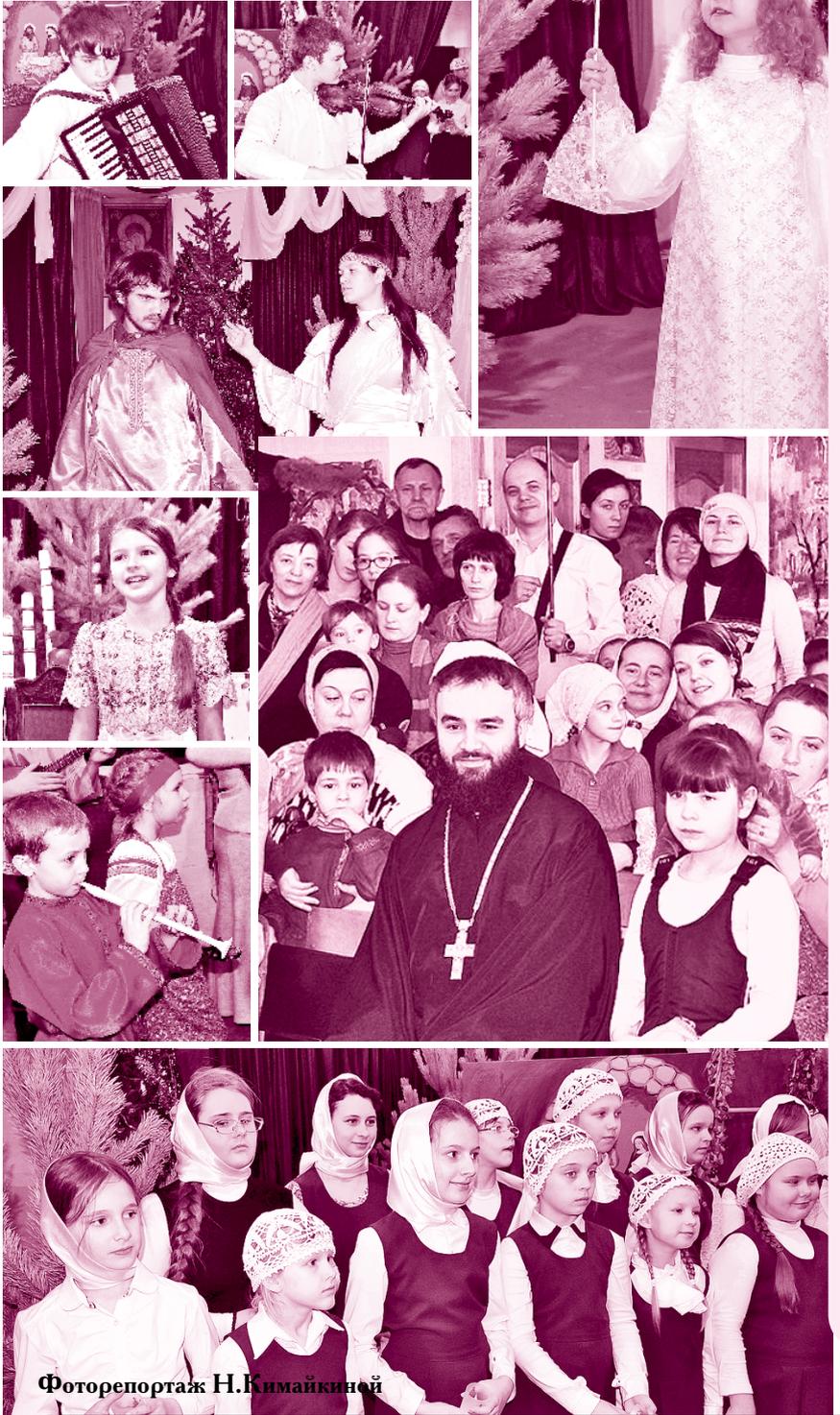
вместо него. Однако в том, как тот, кому дана эта судьба, вынесет свое страдание, заключается уникальная возможность неповторимого подвига.

Для нас, в концлагере, все это отнюдь не было отвлеченными рассуждениями. Наоборот — такие мысли были единственным, что еще помогало держаться. Держаться и не впадать в отчаяние даже тогда, когда уже не оставалось почти никаких шансов выжить. Для нас вопрос о смысле жизни давно уже был далек от того распространенного наивного взгляда, который сводит его к реализации творчески поставленной цели. Нет, речь шла о жизни в ее цельности, включавшей в себя также и смерть, а под смыслом мы понимали не только «смысл жизни», но и смысл страдания и умирания. За этот смысл мы боролись!

По страницам книги
«Человек в поисках смысла»

Рождественский праздник

7 января в день Рождества Христова в воскресной школе Александро-Невского Собора состоялся праздничный концерт.

Фоторепортаж Н.Кимайкиной

Люблю праздник Рождества, потому что он детский. Люблю эту предпраздничную суету, люблю видеть, как родители, бабушки и дедушки ведут своих малышей на елки. Господи! Сколько красивых лиц появляется тогда в нашем городе, в нашем общественном транспорте! Это и есть образ Счастья. Так бы и ходил и смотрел на них, когда они тащат свои подарочки со сладостями. Христос сказал, чтобы мы не препятствовали и пускали детей своих к нему. Вот мы и делаем это каждый праздник, ведь на Елке всегда горит Его звезда. И детишки, одуревшие от счастья, тащат и тащат свои подарочки, потому что Вифлеемская звезда осветила их, когда они все хором прокричали: «Елочка! Зажгись!» Люблю детей и не стыжусь признаться в этой своей сентиментальности.

И каждый год прямо у нас на глазах свершается этот Крестовый Поход Детей за Счастьем и Радостью на новогодние Елки. Пусть этот исход детей, этот их мирный крестовый поход спасёт, убережёт нас от несчастий! Пусть идут и идут счастливые детишки толпами, пусть светятся их лица, освещая и наш жизненный Путь. Ведь все лучшее в нас — это то, что мы смогли сохранить из детства, как те сладкие подарочки с наших Ёлок, когда каждый из нас, взрослых, также шёл в этих рядах мирного Крестового Похода.

Е.Л. Жаринов,
профессор,
доктор филологических наук,
преподаватель МПГУ

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель иерей Андрей Басов.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина.

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81. Без ограничения по возрасту.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 27.01.16. Выход по графику 26.11.15

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.